

КАПИТАН ТЕМПЕСТА
ГОРОД
ПРОКАЖЕННОГО КОРОЛЯ

АСТ
АСТРЕЛЬ

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

САЛЬГАРИ

Эмилио Сальгари

**Капитан Темпеста. Город
Прокаженного короля (сборник)**

«АСТ»

Сальгари Э.

Капитан Темпеста. Город Прокаженного короля (сборник) /
Э. Сальгари — «АСТ»,

В центре романа «Капитан Темпеста» один из волнующих эпизодов разгоревшейся в XVI веке войны между Венецианской республикой и турецкой империей Селима II. Крепость Фамагуста отчаянно защищается от турок. Во главе обороны – загадочный капитан Темпеста. Также в книгу вошла приключенческая повесть «Город Прокаженного короля», рассказывающая о поисках несметных сокровищ, спрятанных королем Прокаженных в джунглях Бангкока.

© Сальгари Э.

© АСТ

Содержание

Капитан Темпеста	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	13
Глава IV	18
Глава V	26
Глава VI	32
Глава VII	37
Глава VIII	42
Глава IX	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эмилио Сальгари

Капитан Темпеста. Город Прокаженного короля (сборник)

Капитан Темпеста

Глава I Партия в «зара»

– Шесть!

– Пять!

– Одиннадцать!

– Четыре!

– Зара!

– Ах, чтоб вас! Тридцать тысяч турецких сабель вам на голову... Ну, синьор Перпиньяно, и везет же вам! Можно сказать, прямо дьявольское счастье!.. Целых восемьдесят цехинов выиграла у меня в два вечера! Каково? А? Нет, слуга покорный, продолжать в таком духе я больше не имею охоты, лучше проглотить пару ядер из колубринки или даже сесть на кол, которым так любят угощать христиан эти магометанские псы, честное слово! Теперь если они возьмут Фамагусту, то им, кроме шкуры, нечего будет содрать с меня.

– Не возьмут, капитан, будьте покойны!

– Вы думаете, синьор Перпиньяно?

– Уверен в этом. С тех пор как к нам присоединились эти славяне, нечего опасаться за Фамагусту. Венецианская республика умеет выбирать солдат.

– Ну, это все-таки не поляки.

– Капитан, прошу вас не оскорблять далматских солдат.

– Я и не думаю их оскорблять, несмотря на то что ваше отношение к нашим солдатам не из лучших...

Слова поляка были прерваны раздавшимся возле обоих игроков угрожающим гулом голосов и бряцаньем оружия.

– Ну, уж и вспыхнули, как солома! – поспешил он воскликнуть совсем другим тоном и с деланною улыбкою. – Напрасно, друзья мои! Вы должны знать, что я охотник пошутить. Ведь уже четыре месяца, как мы с вами, мои храбрецы, имеем удовольствие биться рядом против этих неверных псов, которые спят и видят, как бы добраться до нашей шкуры, и я не раз имел случай убедиться в вашем мужестве... Но вот что, синьор Перпиньяно, если желаете, я все-таки не прочь начать с вами новую партию. Может быть, и отыграюсь, а если и нет, куда уж не шли мои последние двадцать цехинов! А об этих проклятых турках нечего и поминать. Не видим их пока – и отлично.

В это мгновение, как бы в ответ поляку, грянул пушечный выстрел.

– Ах вы, головорезы! – вскричал словоохотливый Лацинский, стукнув кулаком себе по колену. – Даже и ночью не дают покоя!.. Ну да ладно, авось еще успеем проиграть или выиграть десяток цехинов, не правда ли, синьор Перпиньяно?

– Если желаете, попытаемся, синьор Лацинский.

– Смешайте кости, и начнем.

– Девять! – воскликнул Перпиньяно, выбросив костяные кубики на скамейку, служившую игрокам вместо стола.

– Три!

– Одиннадцать!

– Шесть!

– Зара!

Только раздавшееся в стороне чье-то сдержанное хихиканье заставило злополучного поляка с трудом подавить готовое сорваться с его языка проклятие.

– Клянусь бородой Магомета! – громко сказал он, бросая на скамью рядом с кубиками два цехина. – Наверное, вы, синьор Перпиньяно, заключили с дьяволом какой-нибудь договор.

– И не думал. Я слишком добрый христианин для этого.

– Ну, значит, вы научились какой-нибудь уловке, и я готов прозакладывать свою голову против турецкой бороды, что вы заимствовали эту уловку у капитана Темпеста¹. Ведь вы играете с ним?

– Да, я часто играю с этим храбрым дворянином, но он меня никаким уловкам не учил, да я и не просил его об этом.

– С этим «дворянином»?.. Гм! – с некоторой, едкостью произнес Лашинский.

– Разве вы не считаете его дворянином?

– Я-то?.. Гм! Кто же его знает?

– Во всяком случае, нельзя не признать его очень хорошо воспитанным и вдобавок изумительно храбрым юношей.

– Юношей?!

– Что вы хотите сказать, капитан? Я никак не пойму ваших восклицаний.

– А действительно ли это юноша?

– Почему же не юноша, когда ему всего, дай Бог, двадцать лет от роду? Не стариком же вы его назовете?

– Ну, я вижу, вы не хотите понять меня, да это и не важно. Оставим капитана Темпесту в стороне с этими треклятыми турками и будем продолжать игру...

Описанная сцена происходила в обширной палатке, вроде тех, какими в наше время обыкновенно пользуются странствующие скоморохи. Палатка эта принадлежала одному старику маркитанту и одновременно служила местом для отдыха солдат и винным складом, судя по множеству тюфяков, винных бочонков и бутылок, всюду разбросанных в беспорядке. Посередине палатки стояла не особенно опрятная скамья, заменявшая игрокам стол.

Сами игроки сидели на табуретках под муранскою лампой, подвешенной к среднему бруску палатки, а по сторонам живописными группами расположились человек пятнадцать наемных солдат, набранных Венецианской республикой в своей далматской колонии для защиты ее восточных владений, которым постоянно угрожали беспокойные турки.

Капитан Лашинский был человек высокий и плотный, с мускулистыми руками, жесткой, как щетина, гривой рыжевато-серых волос, громадными редкими усами, напоминающими усы моржа, маленькими острыми глазами и красным носом, обличавшим в нем исправного пьяницу.

В чертах его лица, в движениях и в манере говорить – словом, во всем сказывался типичный искатель приключений и профессиональный рубака.

Что же касается его партнера, лейтенанта Перпиньяно, то он был совершенной его противоположностью, да и моложе этого поляка, которому могло быть уже лет сорок. Чистокровный венецианец, Перпиньяно отличался высоким ростом, сухощавым, гибким и крепким станом,

¹ Темпеста по-итальянски значит «ураган» или «буря».

красивым бледным лицом со смуглым отливом, черными волосами и темными, блестящими глазами.

В то время как первый был одет в тяжелую кирасу и на боку у него висел большой меч, второй красовался в изящном венецианском костюме, состоявшем из богатого вышитого камзола, доходившего до колен, полосатых шелковых панталон, башмаков с пряжками и голубого берета с фазаньим пером. Вообще он выглядел скорее пажом венецианского дожа, нежели воином, тем более что все его вооружение заключалось в легкой шпаге и кинжале.

Игра возобновилась. Видно было, что оба игрока волнуются. Окружавшие игроков далматские солдаты с большим интересом следили за всеми перипетиями их азартного состязания. Раздававшиеся время от времени пушечные выстрелы заставляли колебаться тускло светившую и порядком чадившую лампу.

Никто, однако, не обращал внимания на эти выстрелы, в особенности поляк, не перестававший время от времени делать глоток нежного сладкого кипрского вина прямо из горлышка бутылки, стоявшей у него под рукою на полу.

Лашинский успел проиграть еще дюжину цехинов, когда в палатку вдруг вошел новый посетитель в широком черном плаще и украшенном тремя голубыми перьями шлеме на голове. Бросив взгляд на игроков, вошедший произнес с легкой иронией:

– Прекрасно! Здесь идет веселая игра в то время, как турки изо всех сил стараются разрушить бастион Святого Марка и подведенная ими мина постоянно угрожает ему!.. Но пусть хоть мои люди берут оружие и следуют за мною. Опасность очень близка.

Пока далматские солдаты торопливо собирали свое оружие, поляк поднял голову и пронизывающим взглядом смерил с ног до головы говорившего.

– А, капитан Темпеста! – насмешливым тоном воскликнул он. – Вы бы и один могли защитить бастион Святого Марка, не портя нам игры. В эту ночь Фамагусте не суждено еще пасть.

Тот, которого Лашинский назвал капитаном Темпестой, стремительно распахнул полы плаща и схватился правой рукой за эфес своей шпаги.

Это был очень красивый юноша, однако казавшийся слишком нежным для воина. Среднего роста, стройный и гибкий, с изящно очерченной фигурой, с черными, горящими, как уголья, глазами, маленьким ртом прелестного изгиба, пышными пунцовыми губами, за которыми блестели два ряда мелких и ровных жемчужных зубов, со смуглым цветом лица южного типа и длинными волнистыми мягкими, как шелк, волосами, он скорее был похож на переодетую девушку, нежели на воина. И его костюм отличался богатством, изяществом и особою тщательностью, хотя турки своими постоянными нападениями едва ли могли дать много времени защитникам крепости заниматься туалетом. Он был в полном вооружении. На груди у него сверкал небольшой стальной щит с изображением герцогской короны над тремя звездами. На сапогах звенели серебряные вызолоченные шпоры, а за голубым шелковым поясом была заткнута тонкая гибкая шпага с богато украшенной серебряной рукояткой, какие в то время были в употреблении у французских дворян.

– Что вы хотели сказать этими словами, капитан Лашинский? – спросил молодой человек гармоничным голосом, составлявшим полную противоположность грубому хриплому голосу поляка.

Делая этот вопрос, юноша продолжал держаться за рукоятку шпаги.

– Я хотел сказать только то, что турки могут еще подождать, – отвечал Лашинский, пожимая плечами. – Да и вообще едва ли им удастся задуманное против нас. Мы еще настолько сильны, что в состоянии отбить их и прогнать назад в Константинополь или их проклятую Аравийскую пустыню.

– Вы перемешиваете карты на руках, и притом не особенно искусно, синьор Лашинский, – холодно возразил юноша. – Ваш намек относился ко мне, а вовсе не к туркам.

– Турки и вы – для меня одно и то же, – пробурчал поляк.

Перпиньяно, бывший горячим поклонником капитана Темпеста, под знаменем которого сражался, в свою очередь схватился за шпагу с явным намерением броситься с нею на поляка, но юноша, сохранявший изумительное хладнокровие, остановил его повелительным движением.

– Защитники Фамагусты слишком ценны, чтобы из-за таких пустяков убивать друг друга, – сказал он. – Если капитан Лашинский ищет со мною ссоры, чтобы выместить на мне свою досаду за проигрыш, или потому, что он сомневается в моей храбрости, как я не раз уже слышал...

– Я сомневаюсь?! – вскричал поляк, вскакивая с места. – Клянусь бородой Магомета, что убью как бешеного зверя того, от кого вы могли это слышать, хотя по правде сказать...

– Что же вы остановились? Продолжайте. – Спокойно сказал капитан Темпеста.

– Хотя я действительно немного сомневаюсь в вашем мужестве, – договорил Лашинский. – Вы слишком еще юны, мой друг, чтобы заслужить лавры храбреца, притом...

– Ну что же вы опять остановились? Доканчивайте, – иронически произнес молодой человек, снова останавливая знаком Перпиньяно, порывавшегося броситься на поляка. – Вас очень интересно слушать, синьор Лашинский.

Поляк так толкнул ногою скамью, служившую игрокам столом, что она отлетела в сторону, закрутил дрожащими руками свои длинные, висящие, как у китайца, усы и крикнул громовым голосом:

– Клянусь святым Станиславом, покровителем Польши, вы издеваетесь надо мною, капитан Темпеста. Как мне понимать вас?

– У вас должна быть уже известная опытность, чтобы разбираться в подобного рода делах, – все с той же иронией ответил капитан Темпеста.

– Да вы, кажется, и в самом деле воображаете себя настолько ловким рубакою, что не боитесь высмеять старого польского медведя! – кричал поляк, сверкая глазами. – Хотя принятое вами имя и звучит довольно грозно, но все-таки вы мальчик... Гм!.. Да, пожалуй, что мальчик, хотя у меня на этот счет имеются кое-какие сомнения...

Юноша побледнел, как смерть, и его глубокие черные глаза вспыхнули огнем.

– Четыре месяца я бьюсь на ваших глазах в траншеях и на бастионах, вызывая удивление наших воинов да и самих осаждающих, а вы... вы называете меня мальчиком? – проговорил он, с трудом овладев своим волнением. – Вы сами хвастун, и вам во всю свою жизнь не перебить столько турок, сколько уже удалось мне. Слышите, господин авантюрист?

Теперь, в свою очередь, побледнел и поляк.

– Если я авантюрист, то такой же, как и вы! – проревел он, свирепо вращая глазами.

– Ошибаетесь, синьор, я не авантюрист, это доказывает герцогская корона на моем щите.

– Герцогская корона? Да я могу налепить на кирасу даже и королевскую! – с грубым смехом проговорил поляк. – Эх чем вздумал удивить меня!.. Во всяком случае, герцог вы или... герцогиня, но у вас не хватит храбрости помериться со мною шпагою.

– Вы думаете? – с еще большею насмешкой произнес молодой человек. – Смотрите не ошибитесь. Что же касается моего права на герцогскую корону, то мне кажется, что уже один мой вид является доказательством, как не нуждается в доказательствах и ваша наружность, по которой ясно видно, что именно вы принадлежите к «благородному» классу авантюристов.

В ответ на эти слова поляк испустил какое-то дикое рычание и, схватившись за шпагу, хотел вскочить со своего места и броситься на молодого насмешника, но тот одним грозным взглядом приковал его к месту.

Солдаты, столпившиеся сзади капитана Темпесты, также схватились за алебарды и двинулись было вперед, намериваясь, в свою очередь, кинуться на Лашинского и разорвать его на куски. Даже собственник палатки и тот вскочил с места и хотел швырнуть скамейкой в

заносчивого искателя приключений, но юноша движением руки, не допуская возражений, заставил солдат опустить оружие, а старого виноторговца – поставить скамью на место.

– Так вы сомневаетесь в моем мужестве? – серьезным тоном продолжал молодой человек, пылающими глазами глядя на Лашинского. – Хорошо, сделаем опыт. Ежедневно молодой и, очевидно, храбрый турок подъезжает к стенам нашей крепости и вызывает охотников помериться с ним. Наверно, он явится и завтра. Чувствуете вы себя в силах принять его вызов?

– Да неужели вы думаете, я испугаюсь не только одного какого-то негодного турчонка, но даже целой дюжины их?! – вскричал Лашинский. – Да я этого мальчишку слопаю в один присест... Я не венецианец и не далмат, а турки не стоят даже русских татар...

– Да? Ну, так, значит, вы завтра выступите против этого турка?

– Пусть меня примет на рога сам Вельзевул, если я откажусь от такого пустяка!

– Отлично, вместе с вами выступлю и я.

– А кто первый из нас?

– Это предоставляю на ваш выбор.

– Так как я старше вас, то схвачусь с ним первый, а вы, капитан Темпеста, докажите свою храбрость потом. Идет?

– Хорошо. Это будет гораздо честнее. Лучше сражаться с врагом, чем со своим. Пусть не говорят, что защитники Фамагусты режут друг друга. Их, повторяю, не так много, и они...

– Да оно будет и поблагоразумнее, – с улыбкой перебил поляк. – Шпага Лашинского спасет и капусту, и козу и уничтожит волка, то есть снимет голову с лишнего воина армии Мустафы.

Капитан Темпеста пожал плечами и, снова завернувшись в свой плащ, направился к выходу из палатки, крикнув солдатам:

– На бастион Святого Марка! Туда турками подводится мина, и опасность всего больше именно там.

Он оставил палатку, не удостоив более ни одним взглядом своего противника. За ним последовали Перпиньяно и далматские солдаты, вооруженные, кроме алебард, тяжелыми фитильными ружьями.

Ночь была темная. Все окна в домах были наглухо закрыты ставнями, не пропускавшими света. Фонарей на улицах не полагалось. С мрачного беззвездного неба беспрерывно сеял мелкий и частый дождь, а из ливийских пустынь несло резким пронизывающим насквозь ветром, уныло гудевшим между тесно скученными жилищами.

Орудийный грохот раздавался все чаще и чаще, и временами над городом проносились громадные раскаленные каменные и чугунные ядра, тяжело шлепались на чью-нибудь кровлю и с треском пробивали ее, внося с собою ужас и смятение в мирное обиталище.

– Отвратительная ночь! – заметил Перпиньяно, шедший рядом с капитаном Темпестой, завернувшись в свой широкий плащ. – Туркам не скоро дождаться более удобного времени для попытки овладеть бастионом Святого Марка. Мне думается, что страшный час падения Фамагусты скоро пробьет, если республика не поспешит прислать нам подкреплений.

– Будем лучше рассчитывать на то, что у нас уже имеется, синьор Перпиньяно. Светлейшая Венеция в настоящее время слишком занята защитой своих владений в Далмации, кроме того, не следует забывать, что турецкие галеры постоянно шныряют по Архипелагу и Ионийскому морю, подстерегая те венецианские суда, которые, быть может, везут нам помощь.

– В таком случае я уж вижу перед собою день, в который нам волей-неволей придется сдаться.

– А вместе с тем и дать искромсать себя на куски. Султан отдал строгий приказ всех нас перерезать в наказание за наше долгое сопротивление.

– О, злодей!.. – со вздохом проговорил лейтенант Перпиньяно. – Несчастные жители Фамагусты! Лучше бы им быть погребенными заживо под развалинами своего разрушенного города, нежели очутиться во власти этих выродков.

Отряд вышел из узких улиц на широкую дорогу, упиравшуюся в бастион, стены которого, лишенные почти всех своих зубцов, освещались пылающими факелами. Издали, при красном свете этих факелов, было видно, как на бастионе сустились закованные с ног до головы в железо люди возле нескольких находившихся там колубрин. В известные промежутки из жерл колубрин вырывалось пламя и окрестность оглашалась гулом выстрелов.

За воинами копошились группы богато и бедно одетых женщин, неумоимо таскавших на стены тяжелые мешки с землей, песком, камнями и разным мусором, храбро пренебрегая турецкими ядрами и пулями. Это были жительницы Фамагусты, помогавшие укрепить бастион, на который главным образом были направлены все усилия осаждавших.

Глава II

Несколько страниц из истории

1570 год начался очень несчастливо для Венецианской республики, этого самого сильного и страшного врага турецкого владычества. С некоторых пор рычание льва Святого Марка стало ослабевать, и первая чувствительная рана была ему нанесена на побережьях Адриатического моря, в Далмации, а затем его сильно заделали и на островах греческого Архипелага, несмотря на героическое сопротивление сыновей лагун.

Селим II, тогдашний властитель турецкой империи, в состав которой входили Египет, Триполи, Алжир, Марокко и половина Средиземноморья, выжидал удобного момента навсегда выхватить из когтей льва св. Марка его лучшие владения на Востоке.

Уверенный в свирепости и фанатизме своих воинов и укрепившись уже на море, Селим легко мог найти предлог к борьбе с Венецией, уже начинавшей проявлять признаки падения и терять былое могущество.

Уступка королевой Екатериной Корнаро острова Кипра Венецианской республике явилась той искрой, которой суждено было произвести давно уже подготавливавшийся взрыв. Видя в этой уступке угрозу своим малоазиатским владениям и чувствуя себя уже достаточно сильным, султан потребовал от венецианцев, чтобы они очистили остров Кипр, где они, как он заявил, будто бы оказывали поддержку черноморским пиратам, беспокоившим своими прекрасно вооруженными галерами поклонников полумесяца.

Как и нужно было предвидеть, венецианский сенат с негодованием и презрением отверг требование варварского потомка пророка и, готовясь к войне с ним, начал деятельно собирать свои силы, разбросанные по Востоку и в Далмации.

На Кипре в то время насчитывалось всего пять городов: Никосия, Фамагуста, Пафос, Кирения и Лимасол, но из них только первые два были в состоянии оказать кое-какое сопротивление, так как только они имели большие бастионы.

Война была уже формально объявлена, когда посланное сенатом вспомогательное войско благополучно высадилось при Лимасоле под охраной галер Квирины. Оно состояло из восьми тысяч венецианских и далматских пехотинцев, двухсот пятидесяти кавалеристов и сильной артиллерии. Всех защитников острова, вместе с находившимися там ранее, насчитывалось теперь десять тысяч пехотинцев, вооруженных алебардами и аркебузами, четыреста далматских стрелков, пятьсот кавалеристов, кроме того, немало было и добровольцев, явившихся на свой собственный счет, между которыми находились представители самых благородных венецианских фамилий, желавшие оказать бескорыстную помощь родине.

Узнав, что турки начинают высаживаться на берег острова громадными массами под предводительством великого Мустафы, самого ловкого и вместе с тем самого жестокого из всех турецких военачальников, венецианцы разделили свои силы на два корпуса и поспешили запереться в Никосии и Фамагусте, чтобы там под защитой высоких бастионов приготовиться к борьбе с сильным врагом.

В Никосии войска находились под начальством Николо Дандоло и епископа Франческо Контарини, а в Фамагусте распоряжались Асторре Бальоне, Брагадино, Лоренцо Тьеполо и албанский капитан Маноли Спилотто в ожидании новых подкреплений, обещанных республикой.

Мустафа, силы которого превосходили венецианские по крайней мере раз в восемь, быстро подошел к стенам Никосии. 9 сентября 1570 года с первым проблеском утренней зари начался с обеих сторон ожесточенный бой. Он окончился тем, что венецианцы, видя невозможность отбить на этот раз врага, решили сдаться, но с условием, чтобы им всем была сохранена

жизнь. Однако едва успели войска коварного визиря войти в крепость, как он отдал им приказ без пощады перерезать всех ее защитников вместе с помогавшим им населением города.

Первым под ударами кривой турецкой сабли пал храбрец Дандоло, всего же в Никосии было перерезано самым зверским образом более двадцати тысяч человек. Таким образом, цветущий когда-то городок сразу превратился в одно громадное кладбище, орошенное целыми реками крови. Были пощажены лишь человек двадцать венецианских дворян с громкими именами, могущих дать за себя богатый выкуп, да самые красивые из женщин и девушек Никосии, которых визирь намеревался оставить у себя в качестве невольниц, частью же продать в Константинополь в гаремы или на невольничьи рынки. Две девушки замечательной красоты были отправлены им в подарок своему повелителю, султану.

Упоенные таким сравнительно легким успехом, турецкие орды поспешили к Фамагусте, рассчитывая, что с нею придется провозиться еще меньше. 19 июля 1571 года они подошли к Фамагусте и на другой же день попробовали взять штурмом ее укрепления, но так же, как при первом приступе на Никосию, были отбиты с сильным уроном. 30 июля Мустафа, после долгой непрерывной бомбардировки и постоянных попыток взорвать посредством мин крепостные сооружения, повел на приступ свое самое отборное войско, но победительницей опять оказалась венецианская храбрость. В защите укреплений принимали энергичное участие все маломальски способные к делу обитатели Фамагусты, не исключая и женщин, которые сражались, как львицы, рядом с храбрыми воинами.

Только в октябре прибыло наконец в Фамагусту обещанное сенатом подкрепление, состоявшее из тысячи четырехсот пехотинцев под командою Луиджи Мартиненго. Полученное подкрепление, в сущности, было весьма недостаточно для крепости, осажденной шестидесяти-тысячной армией, но тем не менее его появление подействовало ободряющим образом на начавших было уже унывать фамагустцев и придало им новые силы к сопротивлению.

К несчастью, военные и съестные припасы в Фамагусте уменьшались со страшной быстротой, а турки своей бомбардировкой почти не давали осажденным передышки. Город теперь представлял собой одни груды развалин.

Вдобавок ко всему этому к Кипру прибыл и Али-паша, великий адмирал турецкого флота, с эскадрой в сто с лишком галер, имевших на своих бортах сорок тысяч новых воинов. Таким образом, Фамагуста оказалась со всех сторон охваченной железным и огненным кольцами, прорвать которые, казалось, не в состоянии никакая человеческая сила.

В таком положении были дела этой крепости в то время, с которого начинается наше повествование.

Глава III

Осада Фамагусты

Вернувшись на стены укрепления, солдаты, сопровождавшие капитана Темпесту, бросили ненужные им больше в эту минуту алебарды и заменили их мушкетами, затем уселись под защитой еще уцелевших зубцов, не переставая раздувать фитили своих ружей, в то время как находившиеся тут же крепостные артиллеристы вместе с флотскими беспрерывно стреляли из колубрин по осаждающим.

Между тем сам капитан Темпеста, невзирая на увещевания своего лейтенанта, поместился впереди всех, возле полуразрушенного зубца, который при каждом выстреле колубрины все более и более разрушался.

Турки, все более и более раздражаемые долгим и упорным сопротивлением сравнительно незначительного венецианского гарнизона, продолжали проводить траншеи, чтобы поближе подкрасться к полуразрушенным уже укреплениям, но их усилиям сильно препятствовала та громадная масса обломков и мусора, которая постоянно нагромождалась мужественными женщинами вокруг стены. По временам отважные смельчаки из осаждающих, добровольно жертвовавшие своей жизнью ради более верного обеспечения себе доступа в волшебный рай пророка, ползком, под прикрытием ночной темноты, взбирались на откосы стен и устанавливали мины с целью взорвать те твердыни, которые еще уцелели от разрушительной работы пушечных ядер.

Далматы, обладавшие зоркими глазами, заметив этих смельчаков, тотчас же укладывали их меткими выстрелами из своих мушкетов, но убитые немедленно заменялись новыми фанатиками, выскакивавшими из темноты, и вдруг раздавался страшный взрыв, тяжелые колубрины подпрыгивали на своих местах, угол стены или часть башни с треском обваливались, погребая под своими обломками фанатиков.

Вслед за этим неутомимые женщины тотчас же тащили корзины и мешки с землею и мусором, чтобы скорее заделать сделанные бреши.

Капитан Темпеста молча и бесстрастно наблюдал огни, вспыхивавшие все в большем и большем количестве в необозримом турецком стане.

Вдруг он почувствовал, что кто-то тронул его за локоть, и вместе с тем услышал произнесенные шепотом слова на плохом неаполитанском наречии:

– Это я, падрона, не бойся.

Юноша невольно подался назад и, сурово нахмутив брови, тихо спросил:

– Это ты, Эль-Кадур?

– Я, госпожа.

– Замолчи! Не смей называть меня так! Пока никто не должен знать, кто я в действительности.

– Виноват, синьора... то бишь синьор, ты прав...

– Да что ты все путаешь!.. Иди сюда.

С этими словами молодой капитан схватил за руку того, кого он назвал Эль-Кадуром, и повел его по бастиону в каземат, освещенный одним факелом и совершенно пустой в настоящую минуту.

При свете этого факела можно было разглядеть незнакомца. Он оказался человеком высокого роста, худощавым, с резко очерченным бронзового цвета лицом, небольшими черными глазами и острым носом. Одетый по обычаю бедуинов аравийской пустыни, он был в широком темного цвета шерстяном бурнусе, с украшенным красной кистью капюшоном и в зеленом с белым тюбане. Из-за края красного пояса, плотно сжимавшего его стан, торчали дула двух длинных пистолетов и виднелась рукоятка ятагана.

– Откуда ты? – спросил капитан Темпеста.

– Из турецкого лагеря. Виконт Ле-Гюсьер еще жив, – поспешил ответить Эль-Кадур. – Я узнал это от одного из начальников войск великого визиря.

– А он тебя не обманул? – дрогнувшим голосом продолжал юноша.

– Нет, синьора, не думаю. Он...

– Опять! Сколько же раз мне повторять тебе, чтобы ты не называл меня так!

– Прости, синьора, но здесь нет никого, кто бы мог нас услышать...

– Ну хорошо, хорошо... А узнал ты, куда его отправили?

– Нет, синьора, этого, к сожалению, я еще не мог разузнать, но надеюсь скоро разведать и об этом. Мне удалось подружиться с одним человеком. Он хоть и мусульманин, но тянет кипрское вино прямо из бочки, не обращая внимания ни на Коран, ни на своего пророка, и не сегодня-завтра я непременно выужу у него эту тайну, клянусь в этом, синьора.

Капитан Темпеста – пока мы еще так назовем его – опустил на стоявшую рядом пушку и закрыл руками сильно побледневшее лицо, чтобы скрыть хлынувшие из глаз слезы.

Араб, стоя перед ним со скрещенными на груди руками, смотрел на него сострадательным взглядом, причем на его суровом некрасивом лице выражалась какая-то скрытая мука.

– Если бы я мог купить тебе спокойствие и счастье своей кровью, то это было бы уже сделано, синьора, – сказал он после нескольких минут тяжелого молчания.

– Я знаю, что ты предан мне, Эль-Кадур, – сдавленным голосом отвечал капитан Темпеста.

– Да, синьора, он до последнего вздоха остается верным рабом твоим.

– Не рабом, Эль-Кадур, а другом.

В глазах араба промелькнула яркая молния, и лицо его осветилось выражением сильной радости.

– Я без сожаления отрекся от веры отцов моих, – с чувством проговорил он, – и никогда не забуду, как твой отец, благородный герцог д'Эболи, отнял меня еще мальчиком у моего жестокого падрона, каждый день истязавшего меня до крови... Скажи, что мне теперь еще сделать, синьора, чтобы доказать свою преданность?

Теперь мы узнали, что под именем капитана Темпесты скрывалась дочь знатного неаполитанского патриция д'Эболи, и отныне будем называть ее принадлежащим ей именем, кроме тех случаев, когда ей необходимо будет продолжать называться капитаном Темпестой.

– Было бы лучше, если бы я никогда не видела этой очаровательной Сирены Адриатики, Венеции, никогда не покидала лазурных волн Неаполитанского залива! – с глубоким вздохом проговорила молодая девушка, ничего не ответив на вопрос араба. – Тогда мое бедное сердце не знало бы этого страшного мучения... О, какая это была чудная ночь на Большом канале, отражающем в себе мраморные дворцы венецианской знати! Он знал, что должен идти на бой с несметной силой неверных, знал, что, быть может, там его ожидает смерть, но тем не менее улыбался. Где же он теперь? Что сделали с ним эти чудовища? Может быть, они заставляют его умирать медленной смертью в жестоких пытках? Трудно поверить, чтобы они держали его только в плену, – его, который был гением-мстителем за всех угнетенных и погубленных турками. О, мой несчастный, храбрый Ле-Гюсьер, где ты теперь и что с тобой?

– Ах, как сильно, должно быть, ты любишь его, синьора! – прошептал араб, не пропустивший ни одного слова из всего сказанного герцогиней д'Эболи, с которой он не сводил горящих глаз.

– Сильно ли я его люблю?! – странным голосом вскричала молодая девушка. – О, Эль-Кадур, я люблю его так, как могут любить только женщины твоей знойной родины.

– Если не сильнее! – со вздохом проговорил араб. – Другая женщина едва ли бы сделала то, что сделала ты, она не решилась бы покинуть свой роскошный дворец в Неаполе, не переоделась бы мужчиной, не снарядила бы на свой счет целого отряда воинов и не пришла бы

сюда, в город, осажденный чуть не сотней тысяч врагов, где каждую минуту угрожает страшная смерть.

– Да разве я могла остаться спокойной на родине, зная, что он здесь и что его ожидают страшные опасности?

– А подумала ли ты о том, синьора, кто спасет тебя в тот день когда туркам удастся наконец овладеть крепостью и ворваться в город, чтобы предать его огню и мечу?

– Мы все в воле Божией, – с покорностью отвечала молодая девушка. – Да к тому же, если Ле-Гюсьер будет убит, я все равно ни в каком случае не переживу его.

По бронзовому лицу араба пробежала судорога.

– Так что же я должен делать, синьора? – снова спросил он немного погодя. – Мне необходимо вернуться в турецкий стан, пока еще темно.

– Что ты должен делать? Да, главное, постараться узнать, куда девали Ле-Гюсьера. Когда мы это узнаем, отправимся выручать его, понимаешь, Эль-Кадур?

– Хорошо. Завтра ночью я узнаю об этом.

– Буду ли я еще жива до того времени? – задумчиво проговорила молодая девушка.

– Что ты говоришь, синьора! – с ужасом вскричал араб. – С чего у тебя такая черная мысль?

– Эх, Эль-Кадур, ведь я здесь не на пиру... Но оставим это. Скажи лучше вот что. Не знаешь ли ты, кто тот турецкий рыцарь, который ежедневно является под стенами Фамагусты с вызовом нас на единоборство?

– Это Мулей-Эль-Кадель, сын дамасского паши. Но к чему ты меня об этом спрашиваешь, падрона?

– К тому, что мне предстоит завтра вступить с ним в единоборство, мой верный Эль-Кадур.

– Тебе? С ним?! – воскликнул араб с мгновенно искаженным от ужаса лицом. – Да разве это возможно!.. Я сейчас же прокрадусь в его шатер и убью его, чтобы он не смел больше беспокоить защитников Фамагусты, главное, мою...

– Не бойся за меня, Эль-Кадур. Мой отец был, ты знаешь, первым бойцом в Неаполе, он научил и меня так хорошо владеть шпагой, что я смело могу помериться с самым лучшим из турецких бойцов.

– Знаю, что ты мастерски владеешь шпагой, но все-таки боюсь за тебя, синьора: Мулей-Эль-Кадель очень опасный соперник. Что или кто заставляет тебя принять его вызов?

– Капитан Лацинский.

– А, это тот польский выходец, который, как мне кажется, питает к тебе за что-то тайную злобу?.. От зорких глаз сына пустыни ничто не укроется, и я уже давно разглядел в этом поляке твоего врага, синьора. Неужели это он...

– Да, он. Вот, послушай, что у нас произошло с ним.

И молодая девушка рассказала о своей схватке с поляком.

Эль-Кадур так и подскочил на месте, выслушав этот рассказ. Он испустил такое рычание и его лицо приняло такое дикое и свирепое выражение, что девушка невольно содрогнулась, взглянув на него в эту минуту.

Араб быстрым движением выхватил у себя из-за пояса ятаган, клинок которого ослепительно заблестел при свете факела, и с бешенством крикнул:

– Этот клинок нынешней ночью обгадится польской кровью!.. Негодяй не увидит больше солнечного восхода, и тебе не придется выступать против Эль-Каделя, синьора.

– Нет, ты этого не сделаешь, Эль-Кадур! – твердым голосом возразила молодая девушка. – Этим ты только заставил бы всех говорить, что капитан Темпеста испугался и велел умертвить поляка. Нет, милый Эль-Кадур, ты не тронешь Лацинского.

– Так неужели ты хочешь, падрона, чтобы я равнодушно смотрел, как ты вступишь в смертельный бой с этим турком? – выходил из себя араб. – Чтобы мои глаза увидели твою смерть под саблей торжествующего врага?! Падрона, жизнь Эль-Кадура всецело принадлежит тебе до последней капли крови. Воины моего племени умеют умирать, защищая своих господ. Это уже не раз было доказано, и Эль-Кадур...

– Все это я знаю, мой друг, и верю твоей преданности, но пойми: капитан Темпеста должен показать всему миру, что он никого и ничего не боится, – возразила герцогиня. – Это необходимо, между прочим, и для того, чтобы скрыть мой пол и мое звание, понял?

– Нет, падрона, я не могу этого понять, – резко проговорил араб. – Но убью этого поляка – вот и все!

– Я запрещаю тебе это, Эль-Кадур!

– Но, синьора...

– Приказываю тебе повиноваться, слышишь?!

Араб опустил голову, и из-под ресниц его полузакрытых глаз медленно скатились две крупные слезы.

– Да, – произнес он глухо, – я забыл, что я раб, а рабы обязаны повиноваться.

Молодая девушка подошла к нему и, положив на плечо свою маленькую белую руку, задушевно сказала:

– Повторяю: ты не раб мне, а друг.

– Благодарю, синьора, – тихо проговорил араб, низко склонившись перед своей госпожой. – Я буду делать все, что ты прикажешь, но клянусь тебе, что размозжу голову этому турку, если он победит тебя!.. Не можешь же ты запретить своему верному рабу отомстить за тебя в случае, если ты пострадаешь от руки врага?.. Что будет мне за жизнь без тебя!

– Хорошо, мой верный друг, если я умру, делай тогда, что хочешь... Ну, а теперь пора уходить. Скоро начнет рассветать, и тогда тебе трудно будет вернуться в турецкий стан. Иди.

– Иду, иду, синьора, и узнаю, куда девали синьора Ле-Гюсьера. Клянусь тебе в этом!

Они оба вышли из каземата и вернулись на бастион, где все усиливался и усиливался гул колубрин и треск мушкетного огня.

Приблизившись к синьору Перпиньяно, руководившему мушкетерами, молодая девушка, превратившаяся опять в капитана Темпесту, сказала ему:

– Прикажите прекратить на несколько минут стрельбу: Эль-Кадур возвращается в турецкий лагерь.

– Слушаю. Больше ничего не прикажете, синьора? – осведомился венецианец.

– Пока больше ничего. Впрочем, вот что еще: не зовите меня, пожалуйста, синьорой, а называйте капитаном Темпестой. Я не хочу, чтобы еще кто-нибудь, кроме трех лиц – вас, Эридзо и Эль-Кадура, – знал, кто я. Прошу вас этого не забывать.

– Слушаю, капитан, простите за забывчивость.

– Так прекратите же огонь. Всего на несколько минут. Думаю, что от этого Фамагуста не погибнет.

Когда молодая герцогиня отдавала приказания в качестве капитана своего отряда, голос ее звучал резко и повелительно, как у настоящего старого, обкуренного порохом воина-командира, не терпящего никаких возражений.

Лейтенант Перпиньяно передал распоряжение капитана Темпесты артиллеристам и аркебузистам, которые тут же прекратили стрельбу. Воспользовавшись этим временным затишьем, араб поспешно поднялся на край стены.

– Берегись же турка, синьора! – шепнул он молодой девушке, собираясь спуститься вниз. – Если умрешь ты, умрет и бедный раб твой, постаравшись, конечно, сначала отомстить за тебя.

– Не бойся за меня, друг, – отвечала герцогиня. – Я знакома с ратным делом не хуже, а, пожалуй, даже получше всех остальных защитников Фамагусты... Прощай. Удаляйся скорее.

Подавив тяжелый вздох, готовый вырваться из его груди, араб ловко начал спускаться со стены и через несколько минут исчез в темноте.

Простояв еще с минуту неподвижно на месте, молодая девушка медленно дошла до одного из уцелевших зубцов стены и под его защитой опустилась на груды мешков с землей, положив обе руки на эфес шпаги и прижавшись к ним подбородком, она глубоко задумалась.

Орудийные и ружейные залпы быстро следовали один за другим. Артиллеристы и стрелки неумоимо осыпали железом и свинцом черневшую под ним равнину. Они старались остановить смелых турецких минеров, которые с редкой стойкостью и упорством продолжали свое разрушительное дело, подвигаясь вперед и точно издеваясь над угрозами защитников Фамагусты.

– Не узнали ничего точного, капитан? – вдруг раздался возле молодой девушки голос, выведший ее из глубокой задумчивости.

Это был синьор Перпиньяно, приблизившийся к своему начальнику после того, как заставил прекратить на время огонь.

– Нет еще, синьор, – отвечала она, подняв голову и взглянув на вопрошавшего.

– Но по крайней мере, узнали, жив ли еще синьор Ле-Гюсьер?

– Эль-Кадур говорит, что жив и все еще находится в плену.

– А где именно?

– Этого ему пока не удалось еще узнать.

– Гм! Мне кажется маловероятным, чтобы наш ужасный враг, не знающий пощады, оставил его в живых, раз он очутился у него в руках.

– Увы, и мне думается то же самое, поэтому у меня и тяжело на сердце. Скоро забрезжит утро, и молодой турок явится, как всегда, к нашим стенам со своим вызовом нас на бой. Я или вернусь победительницей, или останусь в поле, и тогда мои сердечные терзания прекратятся.

– Капитан, – почтительно произнес Перпиньяно, – позвольте мне, как вашему лейтенанту, выйти на поединок с этим турком. Если я паду, меня некому будет оплакивать: ведь я последний представитель графского рода Перпиньянов.

– Нет, лейтенант, я не допущу этого.

– Но турок в самом деле может убить вас...

По прелестным губам молодой герцогини пробежала улыбка презрения.

– Я покажу и туркам, и вам, господам венецианским воинам, как умеет биться капитан Темпеста... Прощайте, синьор Перпиньяно! Поверьте, я никогда не забуду своего храброго лейтенанта.

Оправив на себе панцирь, она красивым жестом оперлась левой рукой на шпагу и стала спускаться с бастиона, в то время как пушки осажденных и осаждающих продолжали потрясать окрестности своим страшным ревом и своими непрерывными вспышками освещали ночную тьму.

Глава IV

Поединок

Над покрытой дымящимися развалинами Фамагустой медленно восходил день. Необозримый турецкий стан начинал мало-помалу вырисовываться в лучах утреннего солнца во всех своих подробностях. Насколько хватал глаз, повсюду виднелись целые тысячи высоких разноцветных блестящих палаток, из которых одни, более крупных размеров, были увенчаны золотым или серебряным полумесяцем, а другие, поменьше и поскромнее, конским хвостом.

Посреди этого хаоса резко выделялась обширная палатка визиря, главнокомандующего султанской армией. Эта палатка была из ярко-розовой шелковой материи, на ее вершине гордо развевалось зеленое знамя пророка. Один вид этого знамени поддерживал фанатизм поклонников ислама, делая их такими же страшными и свирепыми, как львы их аравийских пустынь.

На открытом пространстве перед станом начинали собираться толпы пеших и конных воинов, шлемы, броня и оружие которых сверкали в лучах солнца ослепительной рябью огненных бликов. Вся эта огромная масса людей с удивлением смотрела на фамагустскую крепость, видимо пораженная, как чудом, тем обстоятельством, что это гнездо христиан еще держится, несмотря на усиленную бомбардировку, которой оно подвергалось в течение целой ночи.

Вернувшись от коменданта крепости, которому он заявил об имевшем состояться единоборстве его и Лашинского с турецким витязем, капитан Темпеста молча наблюдал за движением в турецком лагере, стоя между двумя стенными зубцами, действительно точно чудом еще уцелевшими от громадных каменных ядер, от действия которых бастион был завален горами обломков и мусора.

В нескольких шагах от капитана Темпесты, во впадине стены, находился капитан Лашинский, которому его оруженосец перестегивал кирасу, очень плохо на нем сидевшую. Поляк был немного бледен и далеко не спокоен духом, хотя ему не впервые уже приходилось драться с турками.

Внизу, во дворе крепости, синьор Перпиньяно с одним из славянских солдат держали под узцы двух великолепных коней, помеси итальянской и арабской пород. Взглядывая по временам на вершину стены, лейтенант с улыбкой смотрел на возню поляка с кирасой.

Пушечная пальба была прекращена отсюда и отсюда. Из неприятельского стана доносились голоса муэдзинов, громко возносивших утреннюю молитву, всегда заканчивавшуюся у них заклинанием истребить гяуров. На стенах Фамагусты венецианцы собирались завтракать куском черствого, заплесневевшего хлеба, обмакнутого в прогорклое оливковое масло, другого продовольствия у них более не оставалось.

У жителей Фамагусты и того не было, они должны были утолять свой мучительный голод травой и наваром из костей и кожи павших животных.

Лишь только муэдзины замолкли, из стана выехал молодой рыцарь и галопом понесся к стенам Фамагусты, собственно к бастиону Святого Марка. За ним, в некотором расстоянии, следовал его оруженосец, державший в руках белый шелковый флаг, над которым сверкал золотой полумесяц и развевался белый конский хвост. Витязь этот был красивый молодой человек, лет двадцати четырех, белолицый, с маленькой черной бородкой и усами, с живым и острым взглядом больших темных глаз.

Одежда и вооружение его отличались красотой и большой роскошью. Голова его была обвита розовым шелковым тюрбаном и прикрыта блестящим шишаком с длинным волнистым белым страусовым пером. Верхняя часть его стройной фигуры была сжата сверкающей посеребренной и украшенной чудными золотыми арабесками броней со стальными наручниками. Широкие шелковые шаровары, розоватого с белым цвета, были заправлены в желтые сафьяновые сапоги. На плечах рыцаря развевался длинный белый тончайшей шерсти плащ с лазур-

ной каймой и такого же цвета кистями, в правой руке он держал кривую саблю, а за широким пунцовым кушаком у него виднелся ятаган.

Не доехав несколько сот шагов до стены бастиона, рыцарь знаком приказал своему оруженосцу воткнуть в землю флаг с целью показать осажденным, что он явился под защитой эмблемы мира. Прогарцовав затем несколько минут на месте на своем чудном белоснежном арабском, богато убранном коне, он громко крикнул по-итальянски:

– Мулей-Эль-Кадель, сын дамасского паши, вызывает на единоборство христианских рыцарей. Если никто из них и ныне не примет моего вызова, я буду смотреть на них как на негодных трусов, недостойных встретиться лицом к лицу с храбрыми рыцарями полумесяца. Если есть у кого-нибудь из них хоть капля хваленой рыцарской крови, пусть он не медлит доказать это. Мулей-Эль-Кадель ждет.

В ответ на этот вызов через стену бастиона перегнулся капитан Лацинский, которому наконец удалось, при помощи оруженосца, наладить на себе кое-как кирасу. Грозно размахивая над головой шпагой, поляк рявкнул во все свое грубое горло:

– Мулею-Эль-Каделю не придется на этот раз уехать ни с чем от стен крепости. Сейчас я дам ему урок, которого он никогда не забудет... Я разрублю его пополам, как щенка, вместе с его лошастью... Кроме меня, здесь есть еще один храбрец, тоже поклявшийся снять с тебя голову!

– Жду вас обоих! – коротко отвечал турецкий витязь, продолжая гарцевать на своем коне и восхищая всех своей ловкостью.

– Жди, жди! Сейчас явемся и зададим тебе звону! – снова крикнул поляк.

Спускаясь вместе с капитаном Темпестой со стены, чтобы сесть на коней, Лацинский спросил его не без оттенка насмешки:

– Вы непременно хотите драться с ним?

– Непременно, – холодно ответил капитан Темпеста.

– Так давайте бросим сначала жребий, кому первому схватиться с этим головорезом.

– Как вам угодно, капитан, мне все равно.

– Вот у меня остался еще один цехин в кармане. Голова или крест?

– Выбирайте сами.

– Я предпочитаю голову. Это будет хорошим предзнаменованием для меня и дурным для турка. Кому выпадет крест, тому и начинать первому.

– Хорошо, бросайте.

Поляк подбросил кверху монету, и, когда она, перевернувшись несколько раз в воздухе, упала к его ногам, он испустил сквозь зубы страшное ругательство.

– Крест! – добавил он громко. – Теперь за вами очередь, синьорина... то бишь, синьор.

Капитан Темпеста взял поданную ему монету и также подбросил ее вверх.

– Голова! – объявил он спокойно, взглянув на монету, когда она вновь опустилась на землю. – Вам, капитан, первому выступать против сына дамасского паши.

– И отлично! Я сейчас проткну его шпагой, как сноп соломы! – хвастался Лацинский. – Если же, паче чаяния, я ошибаюсь и волей глупой судьбы выйдет, может быть, наоборот, то, надеюсь, вы не откажетесь за меня отомстить, хотя несколько и сомневаюсь в вашем мужестве и крепости вашей руки.

– Да? – насмешливо произнес капитан Темпеста. – Хорошо, увидим, у кого окажется больше мужества и крепче рука.

– Я доверяю только своей собственной шпаге.

– А я своей... Теперь на коней!

По приказанию командующего крепостью был опущен подъемный мост, по которому оба всадника и понеслись на равнину.

Все защитники Фамагусты и многие горожане, узнавшие о принятии двумя капитанами вызова турецкого витязя, столпились на стенах бастиона Святого Марка, с нетерпением ожидая начала интересного поединка. Женщины молили Мадонну о даровании христианам победы над неверным, между тем как воины, надев на концы алебард и острия шпаг свои шлемы и потрясая ими в воздухе, кричали:

– Задайте этому поганому турку христианского звону, чтоб он помнил его до второго пришествия, храбрые капитаны!

– Покажите неверным силу венецианских шпаг!

– Посбейте спеси с этого пестрого скомороха!

– Да здравствует капитан Темпеста!

– Да здравствует капитан Лашинский!

– Снесите голову этому неверному! Да здравствует Венеция! Да здравствуют сыны великой республики!

Оба капитана вскачь неслись прямо на сына дамасского паши, который пробуя клинок своей сабли, спокойно ждал их.

Капитан Темпеста сохранял полное хладнокровие, и на его прекрасном лице выражалось непоколебимое мужество, прямо поражавшее тех, которые знали, что этот герой – молодая девушка. Что же касается Лашинского, то он, видимо, чувствовал себя очень скверно, несмотря на свое хвастовство, и неловко держался на своем коне, точно ему в первый еще раз пришлось сидеть на таком скакуне. Это происходило от того, что его конь, снаряженный, как и лошадь капитана Темпесты, под тщательным наблюдением синьора Перпиньяно, казался ему плохо защищенным. Поляку мерещилось, что этот конь при первой же стычке с противником будет ранен и при падении подомнет его под себя.

Он не вытерпел, чтобы не поделиться этими опасениями со своим спутником.

– Я уверен, что эта глупая скотина, на которую меня посадили, непременно сыграет со мной какую-нибудь скверную шутку в тот самый момент, когда я стану протыкать этого щеголя. Как вы думаете, капитан Темпеста? – спросил поляк.

– А по-моему, напротив, ваша лошадь выглядит настоящим боевым конем и едва ли посрамит себя, – с улыбкой ответил его спутник.

– Ну, я вижу, вы не много смыслите в лошадях. Впрочем, это и не удивительно: ведь вы не поляк.

– Может быть, – сухо проговорил капитан Темпеста. – Зато я больше смыслю в оружии, вы сейчас в этом убедитесь собственными глазами.

– Гм! Сомневаюсь. Если я не сниму головы с плеч этого турецкого франта, то не знаю, как вы с ним справитесь. Но будьте уверены, что я обязательно постараюсь отправить его на тот свет, чтобы спасти и вашу и свою собственную шкуру.

– Не смею в этом сомневаться, синьор Лашинский.

– Если же, сверх всякого чаяния с моей стороны, этот нахальный красавчик ухитрится ранить меня, то я...

– Что же вы тогда сделаете, синьор Лашинский?

– Тогда я приму ислам и сделаюсь турецким подданным, чтобы он, по обычаю, не добил меня. Я человек без всяких предрассудков и хорошо знаю, что мы только один раз живем на свете.

– Хороший же вы христианин, нечего сказать! – вскричал капитан Темпеста, скользнув по поляку взглядом холодного презрения.

– Что же, я и не хвалюсь благочестием. Я – человек, обрекший себя на приключения, и мне совершенно безразлично, за кого биться: за Христа или за Магомета, лишь бы мне платили за это. Моя совесть несколько не пострадает от того, что я сделаюсь мусульманином, –

с цинизмом высказывался Лашинский. – А вот вы, кажется, не так относитесь к этому делу, синьора? – со смехом спросил он.

– Что такое? Как вы назвали меня? – стремительно обернувшись к нему с покрасневшим лицом и нахмуренными бровями, спросил капитан Темпеста, придерживая коня.

– Я назвал вас, как следует, – с насмешливой улыбкой ответил поляк, остановив и свою лошадь. – Вы думаете, что я так же глуп, как все другие, и не понял уже давно, что знаменитый капитан Темпеста – рыцарь в юбке? Я и ссору-то хотел затеять с вами с той целью, чтобы, не нанося вам, конечно, серьезной раны, умелым ударом прорвать вашу кирасу и дать возможность другим узнать, кто скрывается под именем капитана Темпесты. Ха-ха-ха! Вот посмеялись бы тогда у нас на бастионах!

– А может быть, вы первый не решились бы посмеяться? Вы не подумали об этом! – резко прозвучало с губ закованной в железо молодой герцогини. – Ведь я в военном деле буду поискуснее вас.

– Это вы, женщина-то? Ха-ха-ха!

– Так вот что, синьор Лашинский: раз вы угадали мою тайну, то, если турок вас не убьет, мы с вами дадим защитникам и обитателям Фамагусты другое интересное представление.

– Да? А именно?

– Мы доставим им удовольствие видеть, как бьются между собой христианские рыцари, будучи смертельными врагами, – хладнокровно ответила герцогиня.

– Гм! Может быть, – пожимая плечами, сказал Лашинский. – Но даю вам слово, что все-таки я буду щадить вас как женщину, кирасу же вашу обязательно прорву, несмотря на то что она тоже стальная, как и моя.

– А я со своей стороны обещаю вам, что непременно перережу вам горло, чтобы вы не могли выдать другим моей тайны, которая должна остаться при мне. Поняли, синьор Лашинский?

– Гм! Увидим... Однако нам лучше отложить эту интересную беседу до более удобного времени. Турок давно уже подает ясные признаки нетерпения.

С этими словами поляк пустил снова в ход своего коня и со вздохом прибавил про себя: «Как бы я был счастлив, если бы мог дать свое имя такой смелой женщине!»

Герцогиня молча последовала за ним.

Сын дамасского паши, ожидавший их в десяти шагах, внимательно вглядывался в христианских рыцарей, как бы изучая их.

– Кто первый из вас желает помериться с Дамасским Львом? – спросил он, салютуя саблей своим противникам.

– Медведь из польских лесов! – отвечал Лашинский. – Если ты можешь похвалиться такими же длинными и острыми когтями, как дикие звери, обитающие в пустынях и лесах твоей родины, то я одарен страшной силой зверей моих родных болот. Вот сейчас увидишь, как я одним взмахом своей шпаги разрублю тебя пополам.

Турку, очевидно, очень понравились эти слова. Он звонко рассмеялся и, размахивая над головой саблей, весело крикнул.

– Моя сабля ожидает вас! Посмотрим, удастся ли старому польскому медведю сладить с молодым дамасским львом!

Более ста тысяч глаз было устремлено на готовившихся вступить в единоборство рыцарей, все необозримые фаланги мусульман собрались перед своим станом, чтобы посмотреть на этот интересный турнир.

Поляк левой рукой подтянул поводья своего коня, между тем как турок взял поводья своей лошади в зубы, чтобы иметь свободными обе руки. Оба противника пристально глядели друг на друга, точно желая загипнотизировать один другого взглядами.

– Если не решается напасть лев, то это не замедлит сделать медведь! – вскричал наконец Лашинский. – Я не охотник долго ждать.

И, так яростно пришпорив свою лошадь, что она заржала от боли, он налетел на турка, который ожидал его неподвижно, как утес, защищая голову саблей, а грудь – ятаганом.

Заметив намерение поляка, Мулей-Эль-Кадель одним легким нажимом колен заставил своего снежно-белого коня сделать искусный скачок в сторону и в то же время так сильно взмахнул саблей над головой противника, что мог бы прорубить его шлем, если бы попал в него.

Поляк, очевидно ожидавший такого выпада, ловко отразил назначенный ему удар и продолжал наступление, сыпая удар за ударом. Оба всадника бились с равной храбростью, защищая не только самих себя, но и головы своих коней, чтобы не пострадали и они. Лашинский все с большей и большей яростью насакивал на своего противника, не переставая кричать, что перерубит его пополам, как связку сухих прутьев.

Зрители криками старались еще больше разжигать сражавшихся.

– Хорошенько проучите этого балаганного паяца, капитан Лашинский! – кричали со стен венецианцы, когда видели, как турок вертелся под бешеными ударами противника.

– Уложи проклятого гяура! – ревели со своей стороны турки, когда Мулей-Эль-Кадель ураганом налетел на поляка, заставляя своего белого коня проявлять чудеса ловкости.

Только одна молодая герцогиня молча и неподвижно сидела на своем коне, внимательно следя за всеми действиями бившихся, она в особенности изучала приемы Мулей-Эль-Каделя на тот случай, если придется ей схватиться с ним. Воспитанная своим отцом, герцогом д'Эболи, который считался первым бойцом во всем Неаполе, славившемся на весь мир своей образцовой школой фехтования, эта отважная молодая девушка обладала всеми качествами истинного воина, она чувствовала себя в силах не только состязаться с Дамасским Львом, но даже и победить его.

Поединок с возрастающим с обеих сторон ожесточением продолжался довольно долго. Поляк вскоре убедился, что турок обладал поистине стальными мускулами и еще большей ловкостью и неутомимостью, чем он сам, поэтому захотел попытаться покончить с ним одним особенным приемом, которому в то время учили по секрету в военных школах. Но это-то и принесло ему гибель. Молодому турку, должно быть, этот прием был хорошо известен и не являлся для него неожиданностью, судя по тому, как он ловко отпарировал коварный выпад поляка и сам нанес ему своей кривой саблей такой удар, который Лашинский не в состоянии был отразить. Сабля турка разрубила кирасу поляка с левой стороны груди и нанесла ему глубокую рану.

– Лев победил медведя! – вскричал молодой турецкий витязь, с торжеством размахивая окровавленным оружием вокруг головы, между тем как сотня тысяч голосов восторженно приветствовала его.

Поляк несколько еще мгновений продержался в седле, крепко сжимая в правой руке шпагу, а левую прижимая к ране, точно желая этим остановить бившую из нее ключом и заливавшую кирасу кровь, затем он тяжело свалился на землю, гремя вооружением и не выпуская из правой руки замершую в ней шпагу.

Капитан Темпеста не стал терять времени. Вынув шпагу, он подъехал к победителю и спокойно сказал ему:

– Теперь вы будете иметь дело со мной, синьор.

Молодой турок окинул юношу взглядом удивления, смешанного с симпатией, и воскликнул:

– С вами? С таким юнцом?!

– С которым вам, однако, придется повозиться подольше, чем с этим полустариком, – самоуверенно отвечал капитан Темпеста. – Но быть может, вы желаете отдохнуть несколько времени?

– Нет, в этом я не чувствую никакой надобности. Тем более что с вами я справлюсь очень скоро, несмотря на вашу похвальбу. Вы слишком слабы, чтобы биться с Дамасским Львом.

– Зато не так слаба моя шпага, синьор, – возразил юный рыцарь. – Берегитесь, иначе вы можете погибнуть от нее.

– Неужели вы тоже львенок и будете опаснее польского медведя? – смеялся молодой турок.

– А вот увидите.

– Скажите мне сначала ваше имя.

– Меня зовут капитаном Темпестой.

– А! Это имя не ново для моего слуха.

– Как и ваше для моего.

– Вы – храбрый юноша.

Капитан Темпеста в ответ на этот комплимент грациозно поклонился и сказал:

– Ну, я начинаю. Берегитесь!

– Жду вашего выпада, но беречься советую скорее вам. Мне очень будет жаль, если я должен буду лишиться жизни такого благородного и смелого юношу, – заметил турецкий рыцарь.

Противники сначала разъехались в противоположные стороны, потом понеслись навстречу друг другу.

Капитан Темпеста оказался не только образцовым фехтовальщиком, но и великолепным наездником, судя по тому, с какой ловкостью и грацией он повернулся со своим конем, сделал большой круг и вихрем налетел на своего противника. В тот самый момент, когда Мулей-Эль-Кадель приготовился отразить нападение, он уже получил тяжелый удар венецианской шпагой по самому горлу, но, к счастью для турка, шпага скользнула по кирасе и только прорвала ее. Турок хотел отбить второй удар, но тоже не успел и почувствовал, как оружие противника снесло у него с головы шишак вместе с розовой шелковой чалмой.

– Какой великолепный удар! – вскричал Дамасский Лев, удивленный молниеносной быстротой, с которой был нанесен удар. – Да, этот мальчик действительно несравненно искуснее польского медведя.

Капитан Темпеста снова сделал круг и вторично подлетел к своему противнику с поднятой шпагой, одинаково готовый как к нападению, так и к отражению. Проскользнув с левой стороны турка и отразив его саблю, он стал гарцевать вокруг него, превосходно управляя своим конем, не уступавшим турецкому.

Пораженный этими неожиданными маневрами, Мулей-Эль-Кадель с трудом увертывался от нападений своего ловкого врага. Очевидно, и конь его, которому перед тем уже пришлось сильно напрягаться, начал устать. Благородное животное чувствовало это. Собрав последние силы, оно с громким ржанием взвилось на дыбы, чуть не сбросило с себя всадника и несколько минут вертелось на одних задних ногах перед конем капитана Темпесты, только теперь входившего в настоящий азарт.

Зрители с обеих сторон продолжали поощрять и ободрять бойцов криками:

– Смелее, капитан Темпеста! Со смелым Бог!

– Да здравствует храбрый защитник креста!

– Срази скорее и этого гяура, Дамасский Лев!

Капитан Темпеста, все время сохранявший изумительное хладнокровие, с такой быстротой нападал на своего противника, что тот едва успевал увертываться от нападений. Большие черные глаза венецианского витязя горели огнем, нежное лицо его покрылось живым румян-

цем, пунцовые губы трепетали, а тонкие ноздри раздувались, как у старого солдата, почуявшего запах пороха.

Казалось, движения коня капитана Темпесты становились все более и более быстрыми, между тем как арабский скакун Мулей-Эль-Каделя, видимо, ослабевал, хотя все еще взвизывался на дыбы и всячески храбрился, не желая выдавать своего господина.

– Берегитесь, Мулей-Эль-Кадель! – крикнул вдруг капитан Темпеста и ударил его шпагой под правую руку, где был небольшой промежуток между кирасой и наручником.

Турок испустил крик боли и гнева, покрытый оглушительным, как рев моря в бурную ночь, гулом голосов его единоплеменников, бесновавшихся от досады.

Зато воины на стенах Фамагусты весело махали флагами, платками и оружием с надежными на него шлемами.

– Да здравствует наш молодой капитан! Слава Богу, капитан Лашинский отомщен! – восторженно кричали они.

Вместо того чтобы броситься на раненого и добить его, на что, по тогдашним понятиям, капитан Темпеста имел полное право, он остановил своего коня, с гордостью и состраданием глядя на своего противника, который только страшным усилием воли держался в седле.

– Признаете вы себя побежденным? – мягко спросил венецианский витязь, подъезжая к турецкому.

Вместо ответа последний вновь хотел поднять свою саблю, чтобы продолжать борьбу, но не имел уже на это силы. Зашатавшись, он ухватился за гриву коня, но тут же, как перед тем поляк, свалился на землю. Крики радости со стен крепости и вопль отчаяния из турецкого стана потрясли всю окрестность.

– Добейте его, капитан Темпеста! – кричали защитники Фамагусты. – Сострадание к неверным неуместно! Прикончите его!

Но молодой победитель сошел с коня и, держа в руке шпагу с окровавленным острием, подошел к турку, поднявшемуся на колени.

– Я победил вас, – сказал венецианский рыцарь.

– Да. Добейте меня, это ваше право, – отвечал турок.

– Капитан Темпеста не привык убивать людей, которые уже не в силах оказать сопротивления, – отвечал победитель. – Вы храбрец, и я дарю вам жизнь.

– Я не думал, чтобы христиане были так великодушны, – полусдавленным голосом проговорил Дамасский Лев. – Благодарю вас. Я никогда не забуду великодушия капитана Темпесты.

– Прощайте, синьор. Желаю вам скорого выздоровления.

С этими словами венецианский рыцарь вернулся к коню и только что хотел вскочить в седло, как его остановили бешеные крики турок:

– Смерть гяуру! Отомстим за павшего Дамасского Льва!

В то же время из среды турецких фаланг выделилось человек десять всадников, и они, потрясая поднятым оружием, с быстротой урагана понеслись на капитана Темпесту с намерением изрубить его в куски. При таком превосходстве сил с их стороны это им, несомненно, удалось бы.

Навстречу им со стен Фамагусты раздался страшный взрыв негодования.

– Подлецы! Изменники! Головорезы! – кричали оттуда тысячи голосов воинов и граждан города.

Сделав над собой почти сверхчеловеческое усилие, Мулей-Эль-Кадель вскочил на ноги и, бледный как смерть, с глазами, пламенеющими гневом, крикнул соплеменникам:

– Назад, негодяи! Остановитесь! Или я тотчас же прикажу посадить вас всех на кол!

Всадники в испуге и смущении остановились.

В этот момент на бастионе Святого Марка загрохотали колубрины и дождем мелких ядер сбросило с коней несколько турецких всадников. Остальные врассыпную умчались обратно в

свой стан, где были встречены смехом и свистом товарищей, также не одобрявших их дикой выходки.

– Вот вам и награда! Вы вполне заслужили ее! – вскричал Дамасский Лев, поддерживаемый под руки своим оруженосцем.

Турецкая артиллерия не нашла нужным на этот раз ответить венецианским колубринам.

Капитан Темпеста, готовившийся было дорого продать свою жизнь туркам, сделал прощальный салют шпагой Мулей-Эль-Каделю и, повернув своего коня, удалился по направлению к крепости под гром рукоплесканий, несшихся ему навстречу с бастиона.

Лишь только он отъехал несколько шагов, как поляк, который вовсе не был убит, как все думали, медленно поднял голову и, глядя вслед своему сотоварищу прошептал:

– Мы еще увидимся с тобой, прелестная девушка!..

Движение его не ускользнуло от глаз Мулей-Эль-Каделя.

– Ба! – сказал он своему оруженосцу. – Да он еще жив? Должно быть, у него душа крепко сидит в теле.

– Прикажешь его прикончить? – спросил оруженосец.

– Погоди... подведи меня к нему.

Опираясь одной рукой на руку оруженосца, а другой зажимая свою рану, Мулей-Эль-Кадель подошел к лежавшему на земле поляку.

– Ты хочешь прикончить меня, эфенди? – хриплым голосом спросил по-турецки Лацинский, пристально глядя на него. – Не советую: с этой минуты я твой единоведец... Я отрекаюсь от креста... Ты убьешь уже мусульманина.

– Хорошо, я прикажу тебя вылечить, – отвечал турок и, с презрением отвернувшись от него, удалился в лагерь.

«...Вот это-то мне и нужно, – пробормотал про себя поляк. – Ну, капитан Темпеста, вам придется еще посчитаться со мной!..»

Глава V

Турецкое жестокосердие

После этого рыцарского турнира, исход которого заставил признать капитана Темпесту, и без того уже славившегося своей доблестью, первым бойцом во всей Фамагусте, осада злополучного города со стороны турецких орд шла своим чередом, но с гораздо меньшей яростью, чем ожидали христиане. Казалось, поражение Дамасского Льва произвело угнетающее впечатление на весь турецкий стан. Нападения на крепость велись как-то вяло, а бомбардировка то и дело совсем приостанавливалась. Главнокомандующий всей армией султана, великий визирь Мустафа, уж не показывался по-прежнему каждое утро после молитвы перед рядами собиравшихся на приступ войск, не гарцевал более перед ротой артиллеристов, ободряя их своим присутствием. Сильно изумленные этим, венецианцы напрасно ломали себе головы, стараясь разгадать причину такой странности. Это было бы вполне понятно, если бы наступил период Рамазана, сорокадневного мусульманского поста, в продолжение которого поклонники полумесяца всегда приостанавливают свои военные и другие действия для того, чтобы исключительно предаваться молитве и, воздерживаясь от всякой пищи, очищать душу покаянием и внутренним созерцанием.

Нельзя же было предположить, что великий визирь приказал всему войску погрузиться в безмолвие и неподвижность только ради того, чтобы не беспокоить раненого Мулей-Эль-Каделя, ведь он все-таки был сын не самого повелителя «правоверных», а лишь простого паши. Это было бы уж чересчур странно.

Капитан Темпеста и его лейтенант ожидали разъяснения от Эль-Кадура, единственного человека, который мог разрешить их недоумение, но араб не показывался с той ночи, когда мы видели его в первый раз беседующим со своей госпожой.

Непонятная бездеятельность неприятеля не доставляла, однако, никакого облегчения осажденным, из-за того что им с каждым днем все более и более давал себя чувствовать голод. Даже оливковое масло и сухая кожа павших животных – мясо их уже давно было съедено, – которыми они в течение целой недели обманывали желудок, начинали истощаться.

Так прошло несколько дней. Томительная тишина лишь изредка прерывалась орудийными выстрелами с той или другой стороны. Капитан Темпеста и лейтенант Перпиньяно, стоя однажды ночью на бастионе Святого Марка, вдруг заметили тень человека, с ловкостью обезьяны пробиравшегося к ним на бастион.

– Это ты, Эль-Кадур? – окликнул его капитан Темпеста, из предосторожности взяв в руки стоявшую возле него аркебузу с зажженным фитилем.

– Я, я, падрон, – отвечал араб. – Не стреляй, пожалуйста.

Через несколько минут он, искусно уцепившись за остаток стенового зубца, перелез через край стены и спустился на площадку бастиона, в двух шагах от капитана Темпесты.

– Наверное, ты был обеспокоен моим долгим отсутствием, падрон? – спросил он.

– Да, я уж боялся, что тебя схватили и убили.

– Успокойся, падрон, на меня никто не имеет подозрений, хотя в тот день, когда ты схватился с Дамасским Львом, многие видели как я вооружился пистолетом, чтобы убить твоего противника в случае, если бы он тебя только оцарапал своим оружием. Счастье его, что был ранен он, а не ты.

– А как его здоровье?

– Ну, у этого турка, должно быть, очень крепкая шкура, падрон. Он почти уже совсем оправился от раны, которую ты ему нанес, и дня через три ему снова можно будет сесть на коня... Но у меня есть для вас другая новость, синьора, она, наверное, очень удивит вас.

– Какая же именно?

– Капитан Лашинский тоже поправляется.

– Лашинский? – в один голос вскричал капитан Темпеста и его лейтенант.

– Да, синьоры.

– Да разве он не был убит Мулей-Эль-Каделем?

– Нет, это только так казалось. У польских медведей очень крепкие кости.

– И Мулей-Эль-Кадель знал, что поляк только ранен, и не добил его? Или он уж не мог этого сделать?

– Знал, мог, но не добил, потому что поляк отсекся от креста и принял веру пророка, – объяснил Эль-Кадур.

– Это негодяй и изменник! – с негодованием вскричал Перпиньяно. – Пошел в ряды врагов своих братьев по религии и оружию!

– Да, как только он встанет на ноги, его сделают капитаном турецкой армии, – подтвердил Эль-Кадур. – Один из пашей уже обещал ему это.

Капитан Темпеста тихо проговорил, как бы про себя:

– Этот человек должен смертельно ненавидеть меня. Хотя я и не сделал ему никакого зла, но он...

– Что же вы не договариваете, капитан Темпеста? – спросил Перпиньяно, видя, что тот вдруг замаялся.

Вместо того чтоб ответить своему лейтенанту, капитан Темпеста вдруг спросил араба:

– А других, более отрадных новостей у тебя разве нет?

– Нет, падрон, – уныло отвечал Эль-Кадур. – Не было никакой возможности добиться, где держат в плену синьора Ле-Гюсьера. Мне очень совестно, что я дал тебе слово и не сдержал его. Но видит Аллах, как я старался! Потому так долго и пропадал: не хотелось ни с чем вернуться...

– Я верю тебе, Эль-Кадур... Но удивляюсь, как это никто не мог дать тебе никаких сведений насчет местопребывания виконта. Не может же быть, чтобы это не было известно кому-нибудь в стане? О, Боже мой, должно быть, его убили, потому и молчат! – с глубоким вздохом проговорил капитан Темпеста.

– Нет, падрон, он жив – это я узнал наверное, – успокоил его араб. – Мне думается, что его содержат в какой-нибудь из береговых крепостей и уговаривают принять мусульманство. Если бы они его убили, то слух об этом должен был бы дойти сюда и помимо меня, потому что тогда весь их стан говорил бы об этом.

– Но почему же там никто ничего не говорит о месте его пребывания? Что за необходимость так тщательно скрывать это?

– Не знаю, падрон. Этого я сам не могу понять.

– Хорошо, буду спокойно ожидать от тебя дальнейших сведений, – с внезапной решимостью сказал капитан Темпеста. – Но слушайте, что это?

Ночная тишина вдруг прервалась страшным шумом, который несся из турецкого стана. Зазвучали трубы, затрещали барабаны, послышались многочисленные залпы ружейных выстрелов и поднялся невообразимый гул возбужденных многотысячных голосов. В то же время весь лагерь, точно по волшебству, осветился красным светом бесчисленных смоляных факелов, со всех сторон стремившихся к центру, где раскидывался громадный пышный шатер великого визиря.

Капитан Темпеста, Эль-Кадур и Перпиньяно быстро взошли на парапет бастиона, между тем как крепостные часовые затрубили тревогу, после чего стены мгновенно стали покрываться толпами воинов, выбегавших с оружием в руках из казематов, где они до этого времени спокойно спали.

– Должно быть, готовятся к решительному приступу, – заметил капитан Темпеста.

– Нет, падрон, – спокойным голосом возразил араб. – Это вспыхнуло возмущение, подготавливавшееся уже с утра.

– Вот как! Против кого же?

– Против великого визиря.

– По какому же поводу? – спросил Перпиньяно.

– Его хотят заставить приняться как следует за осаду крепости. Уж целая неделя, как войско ничего не делает, вот оно и выражает свое неудовольствие.

– А не слыхал ты, почему было такое бездействие, удивлявшее и нас всех? Уж не замешалась ли здесь у великого визиря любовь? В этих случаях пылкие турки часто совсем теряют голову.

– Да и не только турки, – заметил многозначительно араб. – Вы угадали, синьор: действительно, любовь убаюкала воинственное сердце великого визиря.

– К кому же это? – полюбопытствовал даже сдержанный капитан Темпеста.

– К одной молоденькой христианке с этого острова, падрон, – отвечал Эль-Кадур. – Ради нее он и прекратил на столько времени военные действия против вас.

– Наверно, эта девушка или женщина очень хороша? – спросил лейтенант.

– Да, писаная красавица. Эта девушка – дочь одного из здешних синьоров, недавно убитого при взятии Никосии. Она попала в плен в один, кажется, день с синьором Ле-Гюсьером. Я бы не желал теперь быть на ее месте, потому что все войско требует ее смерти, видя в ней препятствие к продолжению военных действий.

– И ты думаешь, великий визирь уступит требованию своих воинов? – спросил капитан Темпеста.

– Думаю, что ему ничего больше не остается делать, падрон.

– Бедная девушка! – тоном сострадания произнес капитан Темпеста. – Неужели ее убьют?

– Наверное, – сказал араб. – А после этого вы должны ожидать самого ожесточенного нападения на крепость. Войску надоела эта долгая осада, оно теперь нахлынет на Фамагусту, как взбаламученное море во время бури, и все уничтожит на своем пути.

– Мы готовы принять господ турок, как они заслуживают, – гордо сказал капитан Темпеста. – Наши шпаги и кирасы еще крепки, а сердца не знают боязни.

Араб грустно покачал головой и глухо проговорил:

– Их слишком много, падрон.

– Ну, что ж такое! Зато мы за стенами крепости, и они, во всяком случае, не нападут на нас врасплох.

– Об этом уж позабочусь я: сумею вовремя вас предупредить... Прикажешь мне вернуться туда, падрон?

Капитан Темпеста не ответил, очевидно не расслышав этого вопроса. Облокотившись на парапет, он вслушивался в страшный рев турецкого войска и беспокойным взором следил за движениями факелов, точно производивших дикую пляску перед шатром великого визиря. Временами можно было различить отдельные крики, выделявшиеся из бури голосов, вроде, например, следующих:

– Смерть этой негодной рабыне!.. Мы требуем ее головы!.. Уничтожить колдунью, опутавшую великого визиря!.. Выдать ее нам!

Трубы, бубны и треск ружейных выстрелов не в силах были покрыть рева многотысячных орд. Казалось, мусульманский лагерь весь находился во власти неисчислимых легионов диких зверей, нахлынувших из африканских и азиатских пустынь.

– Так мне вернуться туда, падрон? – снова спросил араб.

Капитан Темпеста вздрогнул, точно пробудившись ото сна, и поспешил ответить:

– Да, да, ступай, мой добрый Эль-Кадур. Уходи, пока еще нет опасности, и не забудь, что я не успокоюсь до тех пор, пока ты не принесешь мне добрых вестей. Главное – узнай, где находится синьор Ле-Гюсьер. В нем все мое счастье.

По лицу араба пробежало облако невыразимой грусти, но он, как всегда, овладел своими чувствами и покорно сказал:

– Сделаю все, что только буду в силах, падрон, лишь бы на твоих устах зацвела улыбка счастья и глаза твои были ясны по-прежнему.

Капитан Темпеста сделал своему лейтенанту знак остаться на месте, а сам отошел с арабом в угол бастиона и сказал:

– Эль-Кадур, правда, что капитан Лацинский остался жив?

– Да, падрон, он не только жив, но скоро выздоровеет и надеется...

– Наблюдай за ним, пожалуйста.

– Хорошо. Но почему ты так интересуешься этим проходимцем, падрона? – осведомился араб, и в голосе его послышалась тревога.

– Я чувствую в нем своего смертельного врага.

– Да? За что же бы ему быть твоим врагом?

– Он догадался, что я не то, за что выдаю себя.

– Ага! Значит, и он... любит тебя? – глухим голосом проговорил Эль-Кадур, трясаясь от гнева.

– Раньше, может быть, и любил, но теперь он возненавидел меня за то, что не ему, а мне удалось победить Дамасского Льва.

– Синьор Ле-Гюсьер может любить тебя, падрона, но этот поляк... О, как я ненавижу его! – дрожащим голосом прошептал араб, яростно сжимая кулаки.

На некрасивом и грубом лице Эль-Кадура выразался такой гнев, что молодая девушка невольно отступила от араба назад, видя, какая страшная буря происходит в душе этого полудикаря.

– Не беспокойся, мой верный друг, – мягко сказала она ему, – или моим мужем будет Ле-Гюсьер, или никто не сделается им. Только он один достоин моей любви.

Араб приложил руки к сердцу, точно желая унять его тревожное биение, понурил голову и закрыл лицо краем плаща.

– Прощай, падрона! – тихо проговорил он немного спустя. – Я буду наблюдать за этим человеком, в котором и сам чую врага твоего счастья. Я стану следить за ним, как следит лев за лакомой для него добычей. Когда прикажешь, твой верный раб убьет его.

С этими словами Эль-Кадур вскочил на край стены и быстро стал спускаться вниз. Через несколько минут он скрылся в темноте.

Молодая герцогиня долго еще простояла на парапете, с беспокойством следя за исчезавшей во мраке тенью своего преданного слуги.

– Как должно страдать его бедное сердце! – прошептала она про себя. – Несчастный Эль-Кадур! Для тебя, пожалуй, было бы лучше, если бы ты остался у своего прежнего господина, несмотря на всю его жестокость.

Между тем Перпиньяно наблюдал за тем, что происходит в турецком стане.

– Как будто там успокаиваются, – вслух рассуждал он сам с собой. – Должно быть, бедную христианку уже убили. Эти звери на все способны, когда придут в ярость. Они никого не щадят: ни женщин, ни детей, даже собственных.

«Да, – со вздохом подумала герцогиня, услышавшая слова своего лейтенанта, – наверное, не пощадили и моего Ле-Гюсьера».

Действительно, в лагере турок вдруг все затихло. Не было больше слышно ни звуков труб, ни грохота барабанов, прекратилась и стрельба. Даже гул голосов стал постепенно затихать,

по мере того как снова разбегались во все стороны тысячи факелов, пылающие языки которых прорезали ночной мрак прихотливыми извивами огненных линий.

Христианские военачальники, убедившись, что в данную минуту нет оснований ожидать нападения, отправили своих подчиненных назад в казематы, оставив лишь усиленное число часовых на стенах, в особенности возле колубрин.

Как и предвидел Эль-Кадур, ночь прошла спокойно, так что осажденные могли хорошо выспаться. Но лишь только занялась утренняя заря, заставившая побледнеть и стусеваться последние звезды, к бастиону Святого Марка, предшествуемые трубачом, подъехали четыре турецких всадника с белыми шелковыми флажками на остриях алебард. Когда маленький отряд остановился в известном расстоянии от стен крепости, трубач протрубил сигнал внимания, побудивший венецианских военачальников собраться на платформе бастиона. На обставленный соответствующей церемонией вопрос начальника крепости, что нужно парламентарам, один из последних – важное, судя по его наряду и разным знакам отличия, лицо – громким голосом проговорил предложение о коротком перемирии, в течение которого в стане войск султана Сулеймана II должно совершиться событие, долженствующее иметь решительное влияние на исход войны.

Думая, что турки опять затеяли какую-нибудь новую ловушку, как это не раз уже случилось, венецианские начальствующие лица сначала хотели было ответить резким отказом, но после некоторого совещания, не желая слишком раздражать варваров, в руках которых находилась судьба злосчастного города, согласились на просьбу парламентаров и дали обещание, что до полудня с их стороны не будет сделано ни одного выстрела.

По окончании переговоров с венецианцами турецкие посланные возвратились в свой лагерь, где опять происходило большое движение. Видно было, как на громадной равнине стягивались и устанавливались длинными рядами все войска, словно для осмотра, что сильно подтверждало подозрения христиан относительно возможности обмана со стороны коварного неприятеля.

Сначала выступили артиллеристы в разноцветных камзолах и широких шароварах, в сопровождении двухсот колубрин, которые везли превосходные арабские лошади в богатейших пополах и сверкающих металлическими украшениями сбруях. За ними двигались роты янычар, этих наводящих ужас всемирно известных головорезов, составлявших главное ядро турецкой армии. Это был подбор людей, не боявшихся смерти, когда их пускали в дело, они не останавливались не только перед саблями и мушкетами, но даже перед пушками.

Потом стали появляться албанцы в своих широких белых юбках и громадных пестрых чалмах, в поясах, утыканных пистолетами и ятаганами. Затем следовали нерегулярные войска Малой Азии, вооруженные длиннейшими аркебузами, алебардами и даже арбалетами, более ста лет уже не употреблявшимися в других странах; покрытые сверкающими стальными доспехами и снабженные щитами времен чуть не первых крестовых походов, они имели очень грозный вид. Последними шли необозримые ряды арабских и египетских кавалеристов, закутанных в белые бурнусы, украшенные цветными каймами и кистями.

При звуках труб и трескотни барабанов громадное войско располагалось необозримым полукругом, крайние линии которого терялись на горизонте.

– Уж не хотят ли они запугать нас видом своих сил? – с улыбкой обратился синьор Перпиньяно к капитану Темпесте, с внутренним трепетом ужаса смотревшему на бесконечное передвижение этих страшных масс фанатичного неприятеля.

– Бог их ведает. Но наверное, готовится что-то ужасное, – отвечал капитан.

Едва успел он произнести последнее слово, как турецкие трубы и барабаны вдруг замолкли, наступила тишина. В то же время на середину пустого пространства, окаймленного войсками, выехал сам великий визирь, весь закованный в черненую сталь, с белой мантией поверх доспехов и в белой чалме с пышным убором из перьев, вероятно составленных из дра-

гоценных камней, судя по брызгавшим от них во все стороны разноцветным огонькам. Турецкий военачальник сидел на белоснежном арабском коне с длиннейшей гривой, убранном с чисто восточным великолепием. Гордая голова благородного животного украшалась красивым пучком из белых страусовых перьев, спина была покрыта длинной пунцовой бархатной попонай с золотыми вышивками и бахромой, спускавшейся до земли, драгоценная сбруя коня переливалась всеми цветами радуги при каждом его движении, на голубых бархатных чехлах для пистолетов по обеим сторонам седла, тоже отличавшемся необыкновенным богатством материала и отделки, блестели золотые полумесяцы.

Визиря сопровождал герольд с длинной трубой и зеленым шелковым знаменем, а за ним на белой, тоже богато убранной лошади ехала женщина, закутанная в длинное белое покрывало, усеянное мелкими золотыми звездочками, из-за которого нельзя было рассмотреть ее лица. Потом следовал длинный ряд разных турецких военачальников в серебряных доспехах поверх роскошных одежд и в высоких чалмах, украшенных красивыми полумесяцами и конскими хвостами.

Гордо подбоченясь левой рукой, а правой сдерживая своего горячего скакуна, великий визирь медленно въехал в полукруг, обернулся лицом к фронтовым линиям войск, а вместе с тем и к бастиону Святого Марка, с которого смотрели христиане.

Оглядев их пристальным взглядом, он остановился и махнул рукой трубачу. Когда трубач протрубил известный сигнал, визирь крикнул резким, далеко разносившимся, точно металлическим голосом:

– Пусть видит весь мир, как турецкий великий визирь, во славу Аллаха и его пророка, избавляется от уз!

Вслед за тем он круто повернул коня и, выхватив саблю, подлетел к женщине, с движением ужаса откинувшей назад покрывало, под ним оказалось женское лицо чудной красоты, большие темные глаза которого с мольбой глядели на турка. Остановившись перед красавицей, визирь сделал над ней сильный взмах саблей и одним ударом снес с ее плеч голову, которая тут же упала на землю.

Крики негодования со стен крепости и взрыв торжества в турецком лагере завершили эту трагедию.

Великий визирь обтер окровавленное лезвие сабли о попону своего коня и дрожащей рукой вложил саблю в ножны. Затем, протянув эту руку с крепко сжатым кулаком по направлению к Фамагусте, он громко крикнул голосом, полным страшной злобы и угрозы:

– За эту пролитую мной кровь расплатитесь вы, проклятые гяуры! Увидимся в эту же ночь!

Глава VI

Последний штурм Фамагусты

Угроза великого визиря произвела глубокое впечатление на венецианских военачальников. Они хорошо знали решительность и отважность этого прославленного полководца, не раз уже одерживавшего над ними победы, несмотря на героическую храбрость их солдат.

Ночной штурм, обещанный Мустафой, должен был быть решительным. При дружном натиске огромных сил неприятеля полуразрушенные стены и укрепления города не могли больше устоять. Тем не менее комендант крепости распорядился принять все необходимые меры защиты и отпора, чтобы венецианцев нельзя было потом обвинить в том, что они заранее признали себя побежденными.

Караульные посты были удвоены на всех башнях и в местах, господствовавших над рвами, хотя последние, загроможденные обломками стен, скорее могли служить неприятелю для удобного перехода, чем препятствием, а колубрины были поставлены там, где всего лучше можно было обстреливать атакующих.

Предупрежденные граждане города, прекрасно понимавшие, что они все беспощадно будут истреблены турками, если попадутся к ним в руки, вновь занялись заделыванием брешей в стенах и устройством разного рода заграждений.

Во всей Фамагусте царило уныние. Всем его обитателям инстинктивно чувствовалось, что конец города близок и что ничем уже нельзя предотвратить решение грозного рока.

Турецкое войско, своей численностью превосходившее противников в десять раз, раздраженное долгомесячной осадой, готовилось к такому бешеному приступу, перед которым все должно было сокрушиться: и стены крепостных твердынь, и мужество людей, и оружие, как бы оно ни было грозно и крепко, и даже самая вера в сердцах христиан.

В течение остальной части дня осаждающие держали себя очень спокойно, заявляя о своем существовании лишь редкими пушечными выстрелами, имевшими целью скорее проверку орудий, нежели устрашение осажденных. Только к вечеру стан снова стал оживать. К шатру великого визиря то и дело подъезжали всадники, которые после нескольких минут пребывания у главнокомандующего снова вскачь возвращались к своим частям – вероятно, с полученными приказами и распоряжениями. Артиллеристы перевозили к траншеям самые тяжелые орудия, между тем как множество минеров змеями расползались по равнине, стараясь избегать неприятельских выстрелов.

После продолжительного военного совета под председательством начальника крепости Асторе Бальоне венецианские капитаны Брагадино, Мартиненго, Тьеполо и албанец Маноли Спилото решили предупредить штурм яростной бомбардировкой, с целью воспрепятствовать турецкой артиллерии укрепиться на выгодных позициях и устрашить минеров.

Оглушительная бомбардировка продолжалась до самого захода солнца, причиняя сильный вред неприятельской артиллерии. При наступлении же вечерней темноты в крепости затрубили тревогу, призывая население города на защиту стен. В то же время обширная равнина начала постепенно покрываться выступавшими из лагеря войсками, готовыми к штурму.

Загремели турецкие трубы, и затрещали кавалерийские барабаны. Временами поднимались дикие крики, зловещей угрозой отдававшиеся в ушах венецианцев, а в моменты затишья слышались пронзительные голоса муэдзинов, поощрявших и ободрявших правоверных, готовящихся к последнему бою с гяурами:

– Истребите христианских воинов во славу Аллаха!.. Разружьте до основания их проклятое гнездо! Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его!.. Смелее в последний бой, правоверные! Павших в битве за славу полумесяца ожидает рай нашего великого пророка с вечно юными и прекрасными гуриями!

Защита христиан сосредотачивалась главным образом на бастионе Святого Марка, как на ключе всей крепости, на овладение которым будут, конечно, направлены все усилия турок. Именно там и было поставлено двадцать самых больших колубрин. Огонь из этих жерл, управляемых искусными венецианскими артиллеристами, должен был произвести сильные опустошения в рядах турок, неудержимо рвавшихся путем славной смерти в рай Магомета.

На приступ обреченного на гибель города первой двинулась кавалерия, встреченная жестокой канонадой с крепостных башен.

Как раз в ту минуту, когда начинался страшный эпилог кровавой драмы, на бастионе Святого Марка перед капитаном Темпестой вдруг появился Эль-Кадур, араб успел выскользнуть из лагеря вместе с минерами, которых столько легло вокруг него под меткими выстрелами крепостных аркебузистов. Умный аравитянин лучше всех знал, как пробираться незамеченным от лагеря в Фамагусту и обратно, не подвергаясь особенной опасности.

– Вот и пробил страшный час для Фамагусты, падрона! – дрожащим от волнения голосом сказал он, очутившись возле своей переодетой госпожи. – Если только не совершится чудо, город завтра будет в руках турок.

– Мы все готовы умереть, – с покорностью промолвила она.

– А что станется с синьором Ле-Гюсьером?

– Его спасет Бог.

– Бегите, синьора, пока еще не поздно, – умоляющим голосом шептал араб, наклонясь к уху молодой герцогини. – Завернитесь в мой плащ, и я незаметно проведу вас в безопасное место. Через полчаса я уже ни за что не ручаюсь.

– Ты забываешь, Эль-Кадур, что я не потехи только ради надела военные доспехи, – строго возразила благородная венецианка. – Я не лишу в минуту такой опасности Фамагусты шпаги, которая не раз уже доказала свое умение защищать правое дело.

– Падрона, подумай, ведь ты идешь на верную и жестокую смерть! Я слышал как Мустафа отдал приказ никого не щадить из тех, кто попадется живым в руки его кровожадных людей.

– Не бойся, мой верный Эль-Кадур, я сумею достойно умереть и не посрамлю своего имени, – гордо ответила храбрая девушка, подавив невольный вздох. – Если в книге судеб написано, что никто из нас не должен пережить взятия Фамагусты, то да будет воля Господня.

– Пойдем, падрона, – настаивал араб, глядя на нее с отчаянной мольбой в глазах. – Позволь мне спасти тебя хотя для...

– Оставь меня в покое! Капитан Темпеста не опозорит себя постыдной трусостью и останется верен себе до последней минуты. Помни это, Эль-Кадур, и не терзай меня бесполезными упрашиваниями. Мое слово твердо. Ты должен это знать.

– Хорошо, падрона. Ты хочешь умереть здесь, так и я умру рядом с тобой! – в сильном возбуждении говорил араб и подумал про себя: «Пусть так! Смерть все уравнивает, и бедный раб упокоится подле нее».

Между тем в окутанной ночным мраком равнине разыгрывался настоящий ад. В ответ на венецианскую канонаду загремели и турецкие орудия, их было около двухсот, что в то время представляло артиллерию небывалой силы. Не было никакого сомнения, что от страшного действия этой артиллерии твердыни Фамагусты, уже сильно пострадавшие в продолжение многомесячной осады, должны окончательно сокрушиться.

Уже предвидя страшный исход этой решительной борьбы, венецианцы тем не менее со спокойным духом взирали на бесчисленные вражеские орды, устремившиеся на приступ с диким воем голодных зверей, почуявших теплую кровь.

В защите несчастного города принимало участие и все его мужское население, вооруженное чем попало: пиками, алебардами, ружьями старых образцов и разного рода домашними орудиями. Каждый из этих стариков, молодых и подростков горел желанием как можно дороже продать и жизнь свою собственную, и жизнь дорогих сердцу существ.

А женщины и маленькие дети со слезами и воплями ужаса стекались в обширный местный собор, надеясь найти там защиту от непрерывной бомбардировки, угрожавшей дочиста смести весь город раньше, чем в него вступит торжествующий победитель.

Со страшным треском одна за другой рассыпались стены и башни, увлекая за собой храбрых защитников. В городе пылали зажженные раскаленными снарядами дома, погребая под своими развалинами раненых и убитых осколками бомб. Среди этого адского хаоса зловеще раздавалось предсмертное рычание мужественно защищавшегося до последних сил венецианского льва, со всех сторон стиснутого ордами азиатских и африканских зверей.

Начальник крепости Асторре Бальоне, опираясь на свою шпагу, бесстрастно смотрел с платформы бастиона Святого Марка на весь этот ад. По-прежнему твердо и ясно звучала его команда. А что было у него на душе в эти ужасные минуты – ведал один Бог. С тем же наружным спокойствием глядели в пустые очи надвигавшейся смерти и остальные военачальники. Они знали, что если попадутся живыми в руки свирепого и кровожадного врага, то их ожидают жестокие мучения, поэтому каждый внутренне молил Вседержителя послать ему, как милость, возможность умереть с оружием в руках.

Турки густыми рядами надвигались все ближе и ближе на остатки укреплений Фамагусты, так же бестрепетно подвергаясь разрушительному огню венецианских колубрин, будучи уверенными в скорой и окончательной победе.

– За вас, правоверные, Аллах и пророк его! – кричали им вслед муэдзины. – Павшим – рай с вечно юными и прекрасными гуриями, а оставшимся в живых победителям – вечная слава!

Во главе двигавшегося на приступ войска выступили страшные янычары, увлекая за собой албанцев и весь пестрый сброд, собравшийся под знамя пророка из Малой Азии и пустынь Африки.

Тем временем и минеры усердно делали свое дело. Пользуясь общей сумятицей, они с ловкостью кошек прокрадывались под устои стен и башен, чтобы взорвать их, не жалея собственной жизни, взамен которой и им был обещан доступ в рай пророка. Таким образом эти стойкие фанатики прочищали путь кавалерии штурмующих.

Как и предвидели венецианцы, главным пунктом приступа турки действительно выбрали бастион Святого Марка, к которому и стягивались бесконечными рядами, обозначая свой путь горами мертвых и раненых, падавших под учащенным огнем венецианцев, решившихся умереть не иначе, как оставив по себе славную память доблестных борцов.

Неустрасимо и спокойно они стояли на своих постах, под непрерывным дождем взрывающихся вокруг них остатков стен, сокрушавшихся под их ногами, и градом ядер и пуль; оглушаемые адским грохотом орудий и ослепляемые поминутными огненными вспышками и сверканием турецких доспехов, они все-таки не покидали живыми порученных им постов.

Янычары уже готовились штурмовать бастион Святого Марка, как вдруг промелькнула новая вспышка, сопровождавшаяся особенной силы взрывом. Заложённая, наверное, раньше, эта мина должна была взорваться еще до приближения передних рядов осаждающих, чтобы не подвергать их излишней опасности, но взорвалась только теперь, быть может, под действием попавшего в нее снаряда. Произошел обвал большей части стены, примыкавшей к бастиону, и уложил на месте немало янычар, начавших было карабкаться на бастион.

Капитан Темпеста, готовившийся во главе своих далматов отражать неприятеля, так сильно был ушиблен ударившим в него огромным обломком, что тут же упал, схватившись рукой за грудь.

Увидев это, Эль-Кадур, державшийся близ своей госпожи, бросил щит и саблю и подбежал к ней.

– О, Аллах, она убита! – вскричал он полным ужаса и отчаяния голосом.

Шум битвы заглушил его слова, и никто из находившихся вокруг не обратил никакого внимания на него. Каждому было теперь только до себя. Даже лейтенант Перпиньяно отнесся совершенно безучастно к несчастью с капитаном Темпестой. Он ограничился лишь тем, что тотчас же заменил его собой. Изливать свои личные чувства было некогда: некоторые из янычар уже добирались до платформы бастиона, несмотря на открытый по ним страшный мушкетный огонь.

Вне себя от горя, Эль-Кадур поднял на руки свою госпожу, как маленького ребенка, прижал ее к своей широкой груди и спустился с этой дорогой для себя ношей вовнутрь крепости, а оттуда бегом бросился в город, нагибаясь как можно ниже к земле, когда за ним свистели ядра и пули. Ему удалось благополучно добраться до соединявшихся с крепостной стеной городских ворот, одна из боковых башен которых была тоже сильно повреждена миной снизу, между тем как верх башен оставался еще цел, и на нем вокруг двух колубрин толпилось несколько сот воинов.

Араб уверенно стал пробираться по грудам обломков, рассыпавшихся под его ногами при каждом пушечном залпе, он нашел, что ему было нужно – узкую брешь во внутренней толще уцелевшей части башни, – и пролез в нее. Он знал, что тут был ход в подземные своды, где можно было остаться в безопасности, хотя бы рухнула даже вся башня.

Но должно быть, он думал, что несет только уже бездыханное тело своей госпожи, потому что, кладя ее на пол подземелья, отысканного им, несмотря на темноту, он громко, не боясь быть услышанным, проговорил:

– Если Фамагуста падет в эту ночь, моя госпожа и ее верный раб будут погребены под развалинами этой башни, и никто никогда не отыщет их тел.

Затем он достал из складок своей одежды небольшой камень, кусок стали и трут и начал высекать огонь. Трут загорелся от первой попавшей на него искры.

– Я знаю, что тут все оставлено по-прежнему, значит, найду все необходимое, – снова проговорил вслух Эль-Кадур.

Раздув трут и таким образом хоть немного осветив полнейший царствовавший в пещере мрак, араб стал осторожно пробираться между наваленными в беспорядке ящиками и бочонками в дальний угол, где нашел и зажег большой смоляной факел.

Это подземелье было одним из складов крепостного гарнизона, и в нем, кроме ящиков и бочонков, содержавших оружие и боевые припасы, лежали груды тюфяков и одеял, стояли кувшины для оливкового масла и вина, впрочем, теперь все пустые.

Не обращая внимания на раскатывавшийся над его головой и потрясавший всю башню гул канонады, араб взял один из тюфяков, разостлал его на каменном полу, свернул на нем в виде подушки одеяло и затем положил на это ложе неподвижное тело своей госпожи.

Утвердив факел возле изголовья ложа, араб внимательно осмотрел доспехи молодой девушки и увидел, что по левой стороне кирасы струится кровь.

– Течет кровь, значит, не умерла! – радостно пробормотал араб. – Может быть, рана не опасна и моя дорогая госпожа будет спасена. Посмотрим.

Осторожно сняв с раненой кирасу, он убедился, что у девушки сильно была контужена левая часть груди, немного ниже плеча, и в середине громадной опухоли виднелась довольно глубокая рана, в которой торчал острый осколок железной скрепы, по-видимому находившийся в том камне, который ударил защитницу крепости во время взрыва прилегавшей к бастиону стены.

Эль-Кадур был человек предусмотрительный и запасливый, он всегда носил с собой, в необъятных карманах своей широкой одежды, разные мелочи, которые могли пригодиться в случае нужды. Достав из кармана длинную полосу тонкого полотна, он смочил ее маслом, которое оказалось в одном из кувшинов, потом вынул осторожно из раны осколок и перевязал ее полотном. После всего этого взял раненую за руку и назвал ее по имени.

– Это ты, мой верный Эль-Кадур? – вдруг произнесла молодая девушка слабым голосом, с трудом открыв глаза и взглянув на склонившегося над ней араба.

– Слава Творцу мира, госпожа моя жива! – вскричал араб, быстро выпрямляясь. – О, падрона, я думал, что ты уж умерла!

– Что такое случилось, Эль-Кадур? – продолжала молодая девушка, приподнимая голову. – Я ничего не помню... Где это мы? Как здесь темно... А над головой как бы гул пушек... Да где же это я?

– В подземелье, падрона, в гарнизонном складе, здесь полная безопасность от турецких ядер.

– От турецких ядер?.. Ах, теперь я все вспомнила! – вскричала герцогиня, стараясь подняться на ноги, причем ее большие черные глаза так и запылали отвагой, хотя прекрасное лицо было бледно, как смерть. – Фамагуста пала?

– Нет еще, падрона.

– А я здесь, «в безопасности», как ты говоришь, в то время, когда мои сотоварищи бьются с неверными!

– Ведь ты ранена, падрона, и...

– Ранена?.. Да, правда, я чувствую острую боль в груди.. Чем меня ранило: пулей, осколком или, быть может, турецкой кривой саблей? Этого не могу припомнить.

– Тебя ранило железным осколком и сильно ушибло камнем при взрыве, падрона.

– Боже, какой страшный шум!.. Что там теперь делается?

– Турки берут бастион Святого Марка приступом.

Герцогиня побледнела еще больше.

– Значит, город погиб? – дрожащим голосом продолжала она свои расспросы.

– Вероятно, еще нет, – отвечал араб, прислушиваясь. – Колубрины Святого Марка продолжают свое дело.

– Мой добрый Эль-Кадур, пойдй посмотри, в каком положении дело, – попросила молодая девушка.

– А как же я оставлю тебя одну, падрона?

– Ты можешь быть полезнее на стене, чем здесь. Иди, пожалуйста.

– Нет, падрона, я не решусь покинуть тебя здесь...

– А я тебе говорю, иди! – внезапно зазвеневшим повелительным голосом вскричала герцогиня. – Ступай, или я пойду сама, хотя бы мне и пришлось умереть на полпути. Я чувствую, что едва держусь на ногах, но все-таки пойду, если отказываешься ты.

Араб низко склонил голову, чтобы скрыть брызнувшие у него из глаз слезы, потом выхватил из-за пояса ятаган и бросился вон из подземелья.

– Да сохрани меня Бог христиан, чтобы я мог спасти свою госпожу! – прошептал он на ходу.

Глава VII

Кровавая ночь

В то время как Эль-Кадур спешил назад к бастиону, стараясь держаться ближе к стенам еще уцелевших зданий, чтобы избежать ядер, которые целой тучей неслись над городом, удаляясь в крыши домов или разрываясь на мостовой и укладывая на месте встречных стариков, женщин и детей, не успевших еще укрыться в последнем прибежище – соборе, несметные полчища турок уже начали приступ к остаткам укреплений.

Фамагуста вся теперь была охвачена кольцом огня и железа, все более и более стягивавшимся вокруг нее, чтобы наконец задушить ее. Как мы уже говорили, вся сила приступа была направлена на бастион Святого Марка, все еще храбро защищаемый доблестными воинами и добровольцами, решившимися отстаивать эту твердыню до последней возможности.

Янычары, хотя и понесли уже значительный урон, усеяв равнину горами трупов, с непоколебимой твердостью продолжали путь к намеченной цели, мгновенно смыкая свои ряды над выбывшими из строя. Ценой многочисленных жертв достигнув полусокрушенных уже откосов бастиона Святого Марка, они мужественно лезли вверх под огнем мушкетеров, между тем как албанцы, нерегулярные отряды малоазиатов и диких сынов Аравии подступали к остальным укреплениям, которые турки решили взять одновременно с главным пунктом фамагустских твердынь.

Фанатики бросались на приступ с бешенством голодных тигров, взбираясь наверх с цепкостью кошек, умело пользуясь каждой, даже самой малейшей, выбоиной, держа в руках кривую саблю, а в зубах – ятаган и прикрываясь стальными щитами, украшенными серебряными полумесяцами и конскими хвостами. И чем больше вырывалось из их рядов жертв христианскими пулями, ядрами и другими смертоносными орудиями, тем яростнее наседали на стены остальные, без милосердия топча своих раненых товарищей и своим ревом покрывая грохот и треск стрельбы.

Христиане стойко держались против устремлявшихся на них свирепых полчищ и давали им самый энергичный отпор, ободряемые присутствием начальника крепости, звучный голос которого отчетливо слышался даже сквозь страшный рев неприятеля, гул канонады и треск ружейного огня. Тесно сплотившись на платформе бастиона, они образовали железную стену, которую нелегко было разрушить штурмующим, несмотря на все их упорство. Одни из осажденных саблями и мечами отрубали головы и руки напозавшим, подобно муравьям, янычарам, другие разбивали их щиты и шишаки тяжелыми дубинами, третьи кололи их пиками и алебардами, четвертые осыпали их дождем мушкетных пуль, в то время как снаряды колубрин продолжали сеять смерть в задних рядах неприятельских орд, еще находившихся в зоне обстрела.

Эта была титаническая борьба, одинаково страшная для осажденных и для осаждающих. На других бастионах, башнях и стенах происходило то же самое, что на бастионе Святого Марка. Албанцы и малоазиаты, раздраженные упорным сопротивлением христиан, наносивших им такие чувствительные потери, также яростно лезли на приступ по горам обломков, образовавшихся от минных взрывов, по горах трупов своих уже легших в борьбе товарищей.

В некоторых пунктах шла такая ужасная битва, что кровь широкими потоками лилась вниз со стен, словно наверху происходила бойня сразу целого стада быков. Турки валились целыми отрядами, поражаемые прикладами мушкетов, саблями, мечами, пиками, дубинами и другим первобытным оружием, но ни на шаг не подавались назад, все с тем же слепым, стихийным упрямством продолжали лезть на приступ, стараясь, главным образом, овладеть башнями, откуда не переставали греметь колубрины, от действия которых осаждавшие и несли наибольшие потери. Наружная часть башен во многих местах была разрушена, но самое ядро

этих мощных сооружений, возведенных по плану и под присмотром знаменитых венецианских строителей, оставалось нетронутым, представляя почти несокрушимые твердыни.

Однако, если было трудно разбить эти твердыни, их можно было взять штурмом, если не жалеть для этого людей. Турки так и действовали. Что же касается христиан, то, видя, что им не удастся на этот раз отбросить врага, подступавшего несметными полчищами, они решили лучше умереть с оружием в руках, но не сдаваться живыми, не признавать себя побежденными и бороться до последней минуты. За неимением другого оружия они разбирали парапеты и зубцы башен, за которыми укрывались, и забрасывали их обломками штурмующих, нанося и этим им чувствительный урон.

Когда Эль-Кадур, благополучно избежав неприятельских ядер, сыпавшихся на Фамагусту и, подобно болидам, оставлявшим за собой по изборожденному ими небу огненные следы, достиг главного бастиона, борьба приняла ужасающие размеры. Незначительная, сравнительно с числом турок, горсть христиан, со всех сторон теснимая неприятелем, численность которого словно все увеличивалась, несмотря на производимые в их рядах тяжелыми снарядами колубрин страшные опустошения, начала медленно отступать от края стен. Тела убитых образовали перед ними новый оплот, за которым они и укрылись. Большая часть платформы бастиона была покрыта умирающими, которых добивали ворвавшиеся туда янычары, перерезая им горло ятаганами. Немало, однако, погибло там и самих янычар, павших под ударами отчаянно защищавшихся христиан. Вокруг тел убитых и раненых и вперемешку с ними громоздилось всякого рода оружие, шлемы, шишаки, щиты и чалмы – все полуизрубленное и залитое кровью.

Начальник крепости, бледный, как привидение, с открытой головой, с кольчугой, во многих местах прорванной турецким оружием, окруженный оставшимися еще в живых капитанами и горстью воинов, продолжал ободрять их к дальнейшему сопротивлению, с горечью уже предвидя быстро приближающийся роковой конец.

Рядом с бастионом Святого Марка находилась обширная ротонда с двумя небольшими выступами по бокам, на этой ротонде иногда происходили упражнения воинов. Теперь она была пуста, почему турки и оставляли ее без внимания. Сознавая, что бастион можно считать погибшим, Асторре Бальоне приказал перенести все уцелевшие колубрины на ротонду, откуда они могли еще обстреливать штурмующих.

– Будем сопротивляться до последней возможности, друзья! – говорил доблестный командир. – Сдаться мы всегда успеем, но сделаем это только тогда, когда более ничего другого нам не останется.

Много еще пало доблестных защитников несчастного города от снарядов вражеской артиллерии в то время, пока они перетаскивали с бастиона на ротонду тяжелые орудия, зато благодаря этому перемещению было хоть ненадолго отдалено окончательное торжество штурмующих, и им пришлось поплатиться еще большим количеством лишних жертв.

Эль-Кадур вернулся на место главной битвы как раз в ту минуту, когда начали перетаскивать колубрины. Увидев синьора Перпиньяно, бывшего теперь, вместо капитана Темпесты, во главе далматов, которых оставалось уже меньше половины, араб протиснулся к нему сквозь образовавшийся на бастионе хаос живых и мертвых тел и спросил его:

– Все пропало? Сдаете бастион?

Синьор Перпиньяно сделал утвердительный жест вооруженной саблей рукой, вздохнул и, в свою очередь, спросил:

– Где капитан? Что с ним?

– В безопасном месте, но сильно ранен.

– Я видел, как ты понес его. Куда?

– Я перенес его в такое место, где туркам ни за что не найти его, когда они возьмут Фамагусту.

– Где это место?

– В подземелье башни Брагола, служившим гарнизонным складом, наружный вход в него завален таким множеством обломков от взрыва, что, кроме меня, никому и не найти его. Я вас проведу туда, если Бог сохранит вашу жизнь в этом аду.

– Хорошо.. Но берегись сам, Эль-Кадур, не подставляйся зря! Ты должен жить для спасения жизни капитана Темпесты.

Теснимые овладевавшими бастионом турками, смущенные и растерянные воины, еще повинаясь команде главного начальника, поспешно отступали к ротонде и уносили с собой часть своих раненых.

– Режьте, истребляйте гяуров, правоверные, во имя Аллаха и его пророка! – ревели турки, уже беспрепятственно занимая платформу бастиона, сплошь теперь покрытую трупами.

При свете пожаров и отблесках пушечных выстрелов были ясно видны зверские лица и горящие свирепой радостью глаза наступающих победителей.

– Артиллерия, не дремать! – громовым голосом, покрывавшим царивший вокруг адский шум, командовал Бальоне.

Вслед за этой командой снова загремели перемещенные на новое место колубрины и осыпали штурмующих новым градом снарядов. Передние ряды наступающих валились под этим железным градом, как трава, скошенная косой, но, пока успевали зарядить вновь пушки, задние волны разъяренного человеческого моря с грозным шумом уже заливали собой стены.

С каждой минутой все более и более таявшая горсточка храбрых венецианцев и далматов все еще не сдавалась, продолжая биться, напрягая последние силы. Не уступали ей в храбрости и мирные обитатели города, принявшие ценой своей жизни участие в его защите.

Но никакие усилия уже не могли спасти то, что было обречено на погибель свыше. Направленная против Фамагусты турецкая сила была так велика, что она могла сломить и не такого малочисленного противника. Это было ясно всем и каждому, но тем не менее христиане все еще не поддавались робости, не бросали малодушно оружия, а умирали с ним в руках, призывая Святого Марка, покровительству которого поручали свои души.

Агония Фамагусты началась, последние ее судороги сопровождались такими неслыханными зверствами со стороны поклонников полумесяца, что при одном слухе об этих зверствах христианские народы старой Европы должны будут содрогнуться от негодования и ужаса.

Восток побивал Запад, свирепые азиатские орды глумились над истекавшим кровью христианством, и это глумление сопровождалось победоносным шелестом зеленого знамени пророка.

Но вот настал и тот момент, когда защитники Святого Марка наконец дрогнули. В разгаре страшной схватки с турками они перестали слушаться голоса своих начальников и начали беспорядочными толпами покидать прилежавшие к бастиону редуты, тоже уже захваченные янычарами.

Груды мертвых тел всюду увеличивались, и не было ни одного места на стенах, которое бы ни было залито кровью...

Пороховой дым, смешанный с дымом горящих зданий города, окутывал Фамагусту траурным покрывалом. Колокольный звон умолк, и голоса плачущих и молившихся женщин, стариков и детей тонули в хаосе этой последней битвы.

Охваченные паническим ужасом, венецианцы, далматы и участвовавшие в защите родного города фамагустцы, тесня и давя друг друга, покидали укрепления, которых не в силах были более отстаивать своей грудью, и бросались в город, стараясь укрыться в развалинах домов и других зданий, в уцелевших еще, но брошенных своими прежними обитателями жилищах, в церквах и казематах.

– Спасайся, кто может!.. Турки! Турки! – кричали обезумевшие от охватившего их внезапно стихийного ужаса люди, забывая, что для них не может уже быть никакого спасения от этих диких зверей, когда город очутится в их власти.

Однако там и сям, на площадях и на углах улиц, среди развалин и пожарищ, группы венецианцев еще готовились дать отпор преследовавшим их туркам, чтобы воспрепятствовать им, хотя временно, проникнуть в собор, где укрывшиеся женщины с детьми и дряхлыми стариками с покорностью ожидали ужасного конца под ударами свирепых победителей.

К несчастью для этих храбрецов, в город ворвалась и турецкая кавалерия, пройдя через громадную брешь, образовавшуюся от взрыва в нижней части Святого Марка, и бешеным ураганом понеслась по улицам, с воем торжества сметая по пути все препятствия. Там, где пролетали на своих арабских конях эти люди-звери, не оставалось ничего, кроме смерти и разрушений. Даже более многочисленное и отборное войско не могло бы противостоять стихийному напору этих сынов пустыни.

Около четырех часов утра, когда начинало уже рассветать и пороховой дым стал понемногу рассеиваться, янычары, с помощью кавалерии уже овладевшие всем городом, беспощадно истребляя все живое, попадавшееся им на пути, приблизились наконец к древнему собору Святого Марка.

На верхней ступени паперти собора, окруженный несколькими десятками воинов, стоял доблестный губернатор Фамагусты Асторре Бальоне, бледный, покрытый ранами, он все еще держал в руках свой окровавленный меч. Стальная кольчуга героя, сплошь покрытая запекшейся кровью, висела клочьями, на непокрытой голове его вздулись огромные шишки от ударявших в нее осколков. Но, несмотря на все это, руки храброго венецианского военачальника не дрожали, голос оставался по-прежнему твердым, лицо спокойным, и глаза были ясны.

Видно было, что этого верного сына прекрасной Венеции могла сломить одна лишь смерть.

Увидев его величавую фигуру, янычары вдруг остановились, и на их губах замерли крики торжествующей свирепости и кровожадности.

Один паша, в сверкающем шлеме с тремя длинными зелеными перьями и с широким мечом в руках, горя нетерпением покончить с этой жалкой по количеству группой гяуров, конем своим проложил себе дорогу сквозь толпу пеших янычаров и с заносчивым видом, гордо подбоченившись, насмешливо крикнул:

– Подставляйте же свои глупые головы, христиане, под сабли правоверных! Вам не на что уже надеяться! Лев вашего святого Марка побежден полумесяцем!

По гордым устами венецианского военачальника промелькнула презрительная улыбка, и большие темные глаза его сверкнули молнией.

– Режьте и наши головы! – ответил он твердым голосом, бросив свой меч. – Но помните, что лев святого Марка еще жив в Венеции и настанет день, когда его грозное рычание раздастся в стенах самой Византии!

Затем, простерши правую руку к открытым церковным дверям, добавил:

– Вот там, у святого алтаря, находятся слабые старцы, женщины и дети. Режьте и их, если вам не стыдно, они вам не могут сопротивляться. Позорьте, если желаете, славу восточных воинов. Судить вас будет беспристрастная история.

Турок молчал: слова венецианского военачальника ударили его прямо в сердце и он не находил, что на них возразить.

В этот момент загудели турецкие трубы и затрещали барабаны. Янычары мгновенно расступились, чтобы очистить путь великому визирю, ехавшему в сопровождении своей свиты и албанских телохранителей.

Главкомандующий турецкой армией ехал с открытым забралом и с обнаженной саблей в руке. Лоб его был грозно нахмурен, а глаза горели огнем кровожадности. Великолепный конь его, красовавшийся в уборе, роскоши которого мог бы позавидовать сам повелитель правоверных, беспокойно озирался по сторонам, поводил маленькими ушами и беспрестанно фыркал,

глядя на множество трупов, через которые ему то и дело приходилось переступать, очевидно, благородное животное еще не было приучено к такой резне и не одобряло ее.

Указывая саблей на кучку венецианцев, покорно ожидавших теперь своей грустной участи, он громко крикнул:

– Что же вы смотрите на этих нечестивцев? Прикончить сейчас же и их!

Пока янычары поспешно набрасывались на не оказывавшие уже сопротивления жертвы, великий визирь заставил своего коня взобраться по ступеням паперти, въехал в ярко освещенный первыми лучами солнца собор и, высокомерно подбоченившись, остановился посреди него.

При виде этого страшного всадника жавшиеся вокруг алтаря женщины с грудными младенцами на руках и со множеством судорожно цеплявшихся за них детей старших возрастов испустили раздирающий душу вопль ужаса. Дряхлый священник, единственный из всего духовенства в Фамагусте оставшийся в живых, дрожащими руками поднял над ними крест, чтобы этим символом христианства смягчить сердце кровожадного последователя ислама.

Момент был торжественный и ужасный. Недоставало только одного слова или просто знака со стороны визиря, чтобы янычары, уже покончившие с последними венецианцами и хлынувшие вслед за ним в собор, набросились и на эти злополучные, беззащитные существа и перерезали их, как стадо овец.

Великий визирь несколько времени неподвижно и молча смотрел на крест, колебавшийся в слабых руках священника. Женщины и старцы воссылали последние молитвы к небу, дети пронзительно плакали, между тем как янычары глухо шумели, выражая свое нетерпение скорее покончить с последними жертвами.

Вдруг все эти матери, точно на них нашло вдохновение свыше, одновременно простерли к великому визирю своих невинных младенцев и завопили в один голос:

– Пощади хоть наших детей, ведь они ни в чем не повинны! Смилуйся хоть над ними! Именем Всевышнего умоляем тебя об этом!

Главнокомандующий войсками султан Селим опустил саблю, которой хотел было подать знак к новой резне, и, обернувшись к янычарам, повелительно крикнул:

– Все здесь находящиеся принадлежат падишаху! Горе тому, кто тронет хоть один волос на их головах!

Этими словами всем находившимся в соборе была дарована жизнь.

Глава VIII

В подземелье

Когда Эль-Кадур понял, что падение Фамагусты совершилось и не было уже никакой возможности спасти ее, он окольными путями поспешил назад в подземелье башни Брагола, где находилась его госпожа.

Молодая герцогиня, лежа на прежнем месте, была, по-видимому, в сильной лихорадке и бредила. Должно быть, она видела себя еще лицом к лицу с врагом, потому что делала такие движения рукой, точно размахивает шпагой, и бормотала глухим отрывистым голосом:

– Вот там... турки... аравийские тигры... те же... что были в Никосии... О, сколько трупов... крови... А, Мустафа! Метйтесь скорее в него... Ах, что-то тяжелое... ударило меня в голову!.. Ле-Гюсьер... его ведет Дамасский Лев... Защищайтесь! Вот они... вот!..

Прекрасное лицо больной исказилось выражением ужаса. Она вдруг приподнялась на своем ложе, продолжая размахивать руками и широко раскрытыми, полными ужаса глазами глядела куда-то, ничего, очевидно, не видя в действительности. Потом она снова опрокинулась навзничь и затихла. После острого припадка наступило успокоение. Она перестала метаться и бормотать, лицо ее прояснилось, а на губах даже мелькнула улыбка.

Сидя на ящике возле ложа больной, рядом с факелом, бросавшим красноватые отблески на черный и сырой пол подземелья, араб внимательно наблюдал за своей госпожой, облокотившись на колени и обхватив голову руками. Временами из его широкой груди вырывались глубокие вздохи, а устремленные на больную глаза глядели так, словно видели не ее, а что-то далекое и от нее самой, и от всей Фамагусты.

Лоб его, на котором время не успело еще провести своих борозд, был омрачен тяжелой думой, по бронзовым щекам тихо катились крупные слезы.

– Да, – с глубоким стоном прошептал он, – годы протекли, яркие безоблачные небеса, безбрежные песчаные степи, шатры того коварного племени, которое отняло меня ребенком у матери, высокие стройные пальмы со своими плодами, скачущие по вольному простору пустыни мехари, – все это стало уже изглаживаться их моей памяти, но в своей золотой неволе я все еще вижу перед собой свою нежную Лаглану. Бедная моя малютка! Была похищена злодеями и ты, и не известно, где теперь ты находишься, да и жива ли еще?.. У тебя были такие же черные глаза, как у моей падроны, такое же прекрасное лицо и такие же красивые губы. Я был счастлив, я забывал о жестоких побоях моего прежнего господина, когда ты играла на миримбе. Я помню, как ты потихоньку приносила свежую воду несчастному избитому до полу-смерти невольнику и облегчала этим его страдания. Давно уже мы расстались, и, быть может, ты давно успокоилась вечным сном на берегу Красного моря, которое своими рокочущими волнами омывает нашу пустыню, а в мое сердце прокралась любовь к другой женщине, еще более роковая и жгучая... Да, у нее такие же черные глаза, как у тебя, но ты была такая же невольница, как и я, хотя и любимая своей госпожой, от этого тебе легче и жилось, чем мне, а эта – знатная, свободная госпожа, и я ее раб... Но разве и я не человек? Разве я тоже не был рожден от свободных родителей? Разве мой отец не был вождем амарзуков?

Он порывисто вскочил и сбросил с себя бурнус, точно он давил его своей тяжестью, но тут же снова сел или, вернее, упал на свое седалище, словно расслабленный и разбитый.

Закрыв лицо обеими руками, он горько заплакал, бормоча сквозь всхлипывания:

– Нет, я раб, бедный раб... верный пес моей госпожи, и лишь в одной смерти могу я найти успокоение и счастье... О, лучше бы мне погибнуть от пули или от сабли моих прежних единоверцев! Тогда окончились бы все мучения и страдания бедного Эль-Кадура...

Он снова вскочил и, подойдя к бреши, с решительным видом начал разбирать камни. Казалось, он задумал сделать над собой что-то недоброе.

– Да, да, – продолжал он шептать дрожащими губами, – пойду отыщу Мустафу и скажу ему, что я хоть и темнокожий араб, но исповедую веру креста, отрекшись от полумесяца, и много раз предавал тайны турок. Он прикажет снять с меня мою беспокойную голову.

Легкий стон, сорвавшийся с губ раненой, заставил его вздрогнуть и прийти в себя. Он провел рукой по своему горячему лбу и повернул назад. Факел начал потухать, и прелестное бледное лицо молодой девушки освещалось лишь дождем красноватых искр. Подземелье, не имевшее сообщения с внешним миром, тонуло в глубоком мраке. Араб содрогнулся в этом мраке и снова вслух сказал сам себе:

– Какое страшное преступление собирался я совершить в поисках собственного покоя: задумал бросить одну, без помощи, свою раненую госпожу!.. О, какой я безумец и негодяй!

Он подошел к ложу раненой и при слабом свете догорающего факела взглянул на нее. Больная, по-видимому, крепко спала. Черные локоны рассыпались по ее белому, как мрамор, лицу, а руки были сжаты, точно она все еще держала в них доблестную шпагу капитана Темпесты.

Грудь раненой дышала ровно, но, вероятно, ее мучили во сне тяжелые видения, потому что брови ее страдальчески сдвигались и губы судорожно сжимались. Вдруг она заметалась и с видимым испугом воскликнула:

– Эль-Кадур... мой верный друг... спаси меня!

Луч невыразимой радости загорелся в темных, глубоких глазах сына аравийских пустынь.

– Меня видит во сне! – с блаженной улыбкой прошептал он. – Меня зовет спасти ее!.. А я хотел бросить ее, оставить одну без всякой помощи! О, моя дорогая госпожа, твой раб умрет, но не раньше, как избавив тебя от всех опасностей!

Отыскав с помощью огнива новый факел, он зажег его, поставил на место сгоревшего, а сам снова, в прежней позе, уселся у ложа герцогини.

Казалось, он не слышал ни воплей последних жертв страшной бойни, умиравших под саблями жестокого победителя, ни диких криков торжества ворвавшихся наконец в Фамагусту варваров. Какое ему было дело до Фамагусты и до всего остального мира, лишь бы находилась в безопасности его госпожа!

Опустив голову на руки, он неподвижно смотрел прямо перед собой, погруженный в новые размышления. Быть может, он снова переживал дни юности, когда, будучи еще свободным, несся рядом с отцом на быстроногом мехари по необъятным, залитыми жгучими лучами солнца пустыням родной Аравии. Воскресла в его памяти, вероятно, и та ужасная ночь, когда враждебное племя внезапно напало на шатры его отца. Перерезав всех их воинов и перебив всю семью, напавшие схватили его, тогда совсем еще юного, и увезли с собой на своих чистокровных скакунах, чтобы превратить его, свободнорожденного сына могущественного вождя, в жалкого невольника.

Часы проходили, а Эль-Кадур все еще сидел на прежнем месте. Молодая девушка, лихорадка которой, по-видимому, уменьшилась, спала уже спокойно. Снаружи было теперь почти тихо. Пушки более не гремели, и шум битвы прекратился. Лишь изредка слышался треск мушкетных огней, сопровождаемый взрывом бешеных криков: «Смерть гяурам! Хватай их, режь во славу Аллаха и его пророка!» Эти гяуры были последние обитатели несчастной Фамагусты или немногие из уцелевших венецианских солдат, старавшиеся укрыться в разрушенных домах. Попадаясь на глаза турецким ордам, они беспощадно уничтожались, как бешеные собаки, хотя, казалось бы, победители уж и так по самое горло тонули в христианской крови.

Тихий стон раненой вдруг вывел араба из его задумчивости. Он с живостью вскочил и нагнулся над герцогиней, которая с беспокойством озиралась и пыталась подняться.

– Это ты, мой верный Эль-Кадур? – произнесла она слабым голосом, взглядевшись в него.

– Я, падрона. Вот уже несколько часов, как я оберегаю тебя, – отвечал араб. – Лежи спокойно. В тебе нет больше нужды там, а сама ты здесь в полной безопасности... Как ты себя чувствуешь?

– Я очень слаба, Эль-Кадур, – со вздохом промолвила молодая герцогиня, снова опуская голову на изголовье. – Не известно, когда я снова буду в силах владеть оружием.

– Говорю тебе, падрона, что в этом больше уже нет надобности, успокойся.

– Следовательно, все уже кончено? – с тоскою на лице и в голосе спросила раненая.

– Все! – беззвучно отвечал Эль-Кадур.

– А обитатели Фамагусты?

– Перерезаны так же, как жители Никосии. Мустафа беспощаден к тем, кто долго ему сопротивляется. Это не воин, а кровожадный тигр, которому все мало жертв.

– А что случилось со всеми моими храбрыми товарищами? Неужели Мустафа никого не пощадил? Что он сделал с Бальоне, Брагадино, Тьеполо, Спилотто и другими? Неужели и они все погибли?

– Думаю, что так, падрона.

– А не можешь ли ты узнать это наверное? Ведь благодаря твоему арабскому лицу и одежде ты можешь безопасно проходить между этими зверями. Они не тронут тебя, приняв за своего.

– Нет, синьора, теперь уже светлый день, потому что я уже давно сижу здесь с тобой. Днем же я ни за что не оставлю тебя одну. Кто-нибудь может увидеть меня, когда я буду выходить отсюда, и ворвется вслед за мной. Подумает, что у нас тут спрятаны сокровища. Дождемся вечера, тогда я и сделаю попытку. Там, где хозяйничают турки, надо быть как можно осторожнее.

– И о моем лейтенанте ты тоже ничего не знаешь, Эль-Кадур? Может быть ты видел его убитым на бастионе?

– Когда я возвращался на бастион, он был еще жив и даже успел спросить меня о тебе. Я, конечно, ничего не скрыл от него.

– Если так, я буду надеяться, что он и сейчас жив и, быть может, отыщет меня здесь.

– Да, конечно, если ему удалось избежать турецких сабель... Позволь мне, падрона, осмотреть твою рану. Мы, аравитяне, знаем врачебное искусство лучше других народов.

– Не нужно, Эль-Кадур, – возразила герцогиня. – Рана невеликая и, кажется, затянется сама собой. Я только ослабла от потери крови... Дай мне пить, жажда мучит меня.

– К несчастью, синьора, здесь нет ни капли воды, которая лучше всего могла бы тебя освежить. Есть только оливковое масло и кипрское вино.

– Хорошо, давай кипрского, им тоже можно утолить жажду.

Араб достал из своего кармана складной кожаный стакан, наполнил его вином из одного из тех кувшинов, в которых греки хранили жидкости, и поднес своей госпоже.

– Пей на здоровье, падрона, – сказал он. – Пожалуй, это вино полезнее, чем здешняя вода, она теперь вся смешана с кровью.

Молодая девушка выпила весь стакан и снова улеглась, подложив под голову руку, а араб закрыл кувшин и поставил его снова на прежнее место.

– Что-то будет с нами дальше, Эль-Кадур? – говорила молодая девушка, тоскливо всматриваясь в окружающую ее мрачную обстановку. – Как ты думаешь, удастся ли нам выбраться отсюда благополучно, чтобы отправиться на поиски Ле-Гюсьера?

– Может быть, и удастся, падрона, с помощью одного человека, тоже турка, но не в пример им великодушного и сострадательного.

– Кто же этот турок? – с любопытством спросила герцогиня, пристально глядя на араба.

– Дамасский Лев.

– Мулей-Эль-Кадель?

– Да, падрона, он самый.

– Человек, которого я победила?!

– Но которому потом даровала жизнь, между тем как ты могла убить его, и никто, даже турки, не смели бы упрекнуть тебя в этом. Один он способен бросить великому визирю в лицо слово осуждения за его ненасытную жажду христианской крови...

– А если бы он знал, что его победила женщина?

– Он нашел бы, что эта женщина заслуживает поклонения, падрона.

– Вот как! Странно... Что же ты думаешь сделать, Эль-Кадур?

– Я думаю отправиться к Дамасскому Льву и сказать ему, в каком мы находимся положении. Я уверен, что этот благородный человек не только не выдаст тебя, но, быть может, будет в состоянии дать тебе сведения насчет того места, где содержится виконт, и даже поможет освободить его.

– И ты воображаешь, что этот турок способен быть таким великодушным?

– Да, падрона, имею на то основания.

– Почему ты так хорошо знаешь его, Эль-Кадур?

– Потому что знаком с одним из его приближенных невольников, который немало порассказал мне о нем хорошего.

– А видел ты его лично?

– Видел у одного турка, которого я подпаивал ради того, чтобы выведать у него, куда девали виконта. Этот турок, как я уже говорил, одно из начальствующих лиц. Разумеется, я скрыл от него, что я невольник, а называл себя сыном аравийского вождя, каким я в действительности и родился. Благодаря же твоему отцу, заботившемуся обо мне, как о родном, я умею выражаться, как люди, получившие образование. А благодаря тебе я всегда имею деньги. Вот почему турецкий начальник и обращался со мной, как с равным, и мне пришлось у него сидеть вместе с сыном дамасского паши, Мулей-Эль-Каделем. Поэтому я и знаю его лично.

– И ты уверен, что он выслушает тебя и сделает все, о чем ты попросишь его?

– Уверен, падрона. В случае же надобности я прибегну к одной уловке.

– К какой же именно?

– Это позволь мне пока оставить при себе, падрона, может быть, обойдется и без нее.

– А если он, вместо того чтобы помочь тебе, прикажет тебя убить?

Араб сделал неопределенное движение рукой и пробормотал про себя: «Ну, что же! Тогда бедный невольник только перестанет страдать».

Молодая девушка замолкла, но долго пролежала с открытыми глазами, следя за своими думами. Между тем араб подошел к выходу и стал прислушиваться, что делается снаружи. В отдалении гремели трубы и слышался смешанный гул веселых голосов. Вероятно, турки пировали, празднуя свою победу, обеспечивавшую их султану господство над Кипром. Изредка раздавались ружейные залпы.

Наконец Эль-Кадур, удостоверившись, что наступила ночь, осторожно выглянул из бреши в стене, потом снова вернулся на свое место. Раненая крепко спала. Араб долго смотрел на нее, наклонившись над ней.

Потом он поправил факел, осмотрел свои пистолеты, подсыпал в них на полки пороху и удлинил фитили, затем крепче засунул за пояс ятаган и завернулся в бурнус.

– Теперь можно и к Дамасскому Льву, – сказал он вслух и быстро направился к выходу.

Вдруг он остановился, притаил дыхание и стал прислушиваться к шороху, который слышался как будто извне.

– Ого! – пробормотал араб. – Уж не турки ли там? Быть может, разнюхали, что тут укрываются от них люди, и хотят пробраться сюда.

Он вытащил из-за пояса один из пистолетов, зажег фитиль и остановился в выжидательном положении около заваленного камнями выхода, держа пистолет за спиной, чтобы снаружи не было заметно сыпавшихся с фитиля искр.

Возле самой брешы послышалось падение как бы сброшенных откуда-то камней и осыпавшейся земли.

– Вернее всего, что турки, – вполголоса соображал араб. – Ну, пусть попробуют войти сюда: получат хороший подарок прямо в лоб...

Он спрятался за выступом стены, как лев, подкарауливающий добычу, и приготовился стрелять, держа палец на курке.

Шум снаружи продолжался. Кто-то вытаскивал камни из брешы, стараясь, однако, действовать как можно осторожнее. Арабу пришло в голову соображение, что это, быть может, не турки, а тоже какие-нибудь несчастные христиане, знающие о существовании этого подземелья и пытающиеся проникнуть в это убежище, чтобы спасти свою жизнь.

«Подожду стрелять, – говорил он про себя. – Нетрудно убить друга вместо врага».

В промежутках между камнями, которыми была заложена брешь и которые теперь кем-то осторожно вынимались, он разглядел одинокую человеческую фигуру, но, однако, не был в состоянии понять, кто бы это мог быть.

Но вот отверстие настолько расширилось, что в него могла просунуться голова человека. Эль-Кадур направил в эту голову дуло пистолета и спросил:

– Кто там? Отвечайте скорее, иначе стреляю!

– погоди, Эль-Кадур. Это – я, Перпиньяно! – послышался голос молодого лейтенанта.

Глава IX

Эль-Кадур и Мулей-Эль-Кадель

Минуту спустя помощник капитана Темпесты, убрав с помощью араба последнее препятствие в бреши, вошел в подземелье, часть которого слабо освещалась красноватым пламенем факела.

Злополучный молодой человек был в ужасном состоянии. Голова его была обвязана белым платком, насквозь пропитанным кровью и прокопченным пороховым дымом, прорванная во многих местах кольчуга еле держалась, сапоги также были изорваны, а от сабли осталась одна окровавленная рукоятка с небольшим обломком клинка. Он выглядел таким изможденным, точно только что оправился от сильной болезни.

– А, это вы, синьор? – вскричал араб. – Великий Бог, как вы пострадали!.. Но хорошо, что хоть живы-то остались. А мы уже думали...

– Что с капитаном Темпестой? – прервал его венецианец.

– Спокойно спит. Не разбудите его, синьор, раньше времени. Капитан нуждается в покое. Он сильно ранен. Подойдите потихоньку и поглядите...

Но герцогиня, разбуженная уже говором, встретила лейтенанта восклицанием:

– Перпиньяно... вы?.. Ах, как я рада! Как это вам удалось выйти живым из рук турок?

– Только чудом, капитан, – отвечал венецианец. – Если бы я не ушел с бастиона последним, когда увидел, что сопротивляться больше нельзя и оставалось только подставить голову под удар кривой сабли, а бежал бы вместе с нашими солдатами и городскими обывателями, то погиб бы заодно с ними: как хорошо они было ни укрылись в городе, турки всех их разыскали и изрубили в куски. Кровожадный визирь никого не пощадил.

– Никого?! – в ужасе вскричала герцогиня. – Неужели погибли все наши товарищи?

– Все! – со вздохом отвечал лейтенант.

– О, какой это дикий зверь!

– Асторре, Бальоне и Мартиненго обезглавлены, а Тьеполо и Маноли Спилотто были изрезаны в куски и брошены собакам на съедение.

– О, Боже мой, Боже мой! – со стоном проговорила молодая девушка, содрогаясь от ужаса и закрывая лицо руками, как бы защищаясь от страшного видения.

– Неужели и обыватели тоже все перерезаны, синьор? – спросил Эль-Кадур.

– Все почти, Мустафа никого не пощадил, кроме женщин и детей, которых приказал отправить в качестве невольников в Константинополь.

– Следовательно, здесь теперь все кончено для льва Святого Марка? – заметила сквозь слезы герцогиня.

– Да, флаг Венецианской республики уже перестал развеваться над островом Кипр, – в тон ей ответил венецианец.

– И вы думаете, что нет никакой возможности отомстить за такое ужасное поражение?

– Нет, капитан, я этого вовсе не думаю. Напротив, я уверен, что Венеция вознаградит этих азиатских зверей так, как они того заслужили.

– Дай Бог!.. Ну, а пока Фамагуста превращена в кладбище?

– Да, капитан, в сплошное, страшное кладбище. Улицы полны трупов, а стены полуразбитых укреплений утыканы головами храбрых защитников несчастного города.

– Ужасно! А как же это вы сами-то ускользнули от общей резни, синьор Перпиньяно?

– Говорю вам, капитан, только чудом. Когда я увидел, что все погибло, а я один, даже ценой своей жизни, ничего не сделаю полезного, то поспешил незаметно спуститься с бастиона и бросился без оглядки бежать куда глаза глядят. Я сам не знал, удастся ли мне найти убежище или меня тут же настигнут янычары и зарежут, как барана. Очутившись в одной из городских

улиц, я вдруг услышал, что кто-то на нашем языке кричит мне: «Сюда, синьор, скорее к нам!» Оглянулся и вижу, что из-за развалин одного большого дома выглядывает человек и отчаянно машет мне рукой. Я бросился к нему. Он схватил меня за руку и потащил в открытую дверь какого-то погреба, очень маленького и страшно сырого.

Там оказался еще один человек. Они так хорошо замаскировали снаружи ход к себе, что ни одной турецкой ищейке не найти их.

– Кто же эти великодушные люди? – осведомилась герцогиня.

– Это моряки венецианского флота, из тех, которые были присланы нам в подкрепление, под командой капитана Мартиненго: шкипер и рулевой.

– Где же они сейчас?

– В том же погребе. Им некуда больше деться. А там ужасно скверно: тесно, мрачно, сыро, душно...

– А откуда вы узнали, что я нахожусь здесь?

– Это я сказал синьору, – объявил араб.

– Да, – подтвердил Перпиньяно, – и я, несмотря на все ужасы, которые мне пришлось пережить после вашего ухода, отлично запомнил указания Эль-Кадура.

– Почему же вы не привели с собой этих моряков?

– Во-первых, потому, что я боялся, как бы это место не оказалось занятым проклятыми янычарами, а во-вторых, как же я мог вести к вам посторонних, когда не знал, понравится ли вам это.

– Далеко их убежище отсюда?

– Нет, в нескольких сот шагов.

– Эти люди могут быть нам очень полезны, синьор Перпиньяно. Следовало бы привести их сюда. Притом и жаль их оставлять там одних.

– И я так думаю, герцогиня, – сказал венецианец, в первый еще раз величая настоящим титулом благородную девушку.

Последняя несколько минут о чем-то размышляла, затем обернулась к арабу и спросила его:

– Ты все еще не отказался от своего намерения, о котором говорил мне давеча?

– Нет, падрона, – ответил Эль-Кадур. – Только Мулей-Эль-Кадель и может спасти нас.

– А вдруг он тебя обманет?

– Этому ему не удастся, если бы он даже и захотел, чего я, впрочем, не ожидаю от благородного Дамасского Льва. Не забывайте, падрона, что у Эль-Кадура есть пистолеты и ятаган, которыми он владеет не хуже любого турка.

Герцогиня повернулась снова к Перпиньяно, который с удивлением смотрел на них. Он никак не мог понять, при чем тут тот самый молодой турок, которого герцогиня так искусно свалила с коня на турнире под стенами Фамагусты.

– Как вы находите, синьор Перпиньяно, можно ли будет нам бежать отсюда, не будучи замеченными турками? – спросила молодая девушка.

– Думаю, что нет, – отвечал лейтенант. – Весь город полон янычар. Их здесь по крайней мере тысяч пятьдесят. Они еще не вполне насытились христианской кровью, поэтому зорко выслеживают, не осталось ли где еще добычи, и ни за что не выпустят из Фамагусты ни одной живой души.

– Хорошо... Отправляйся же, Эль-Кадур. Теперь я сама ясно вижу, что вся наша надежда на того человека.

Араб молча зажег потушенные им было фитили пистолетов, попробовал, легко ли ходит в сафьяновых, богато отделанных серебром ножнах ятаган, с судорожной быстротой накинул себе на голову капюшон своего бурнуса и сказал:

– Повинуюсь, падрона. Если я больше не вернусь – значит, моя голова осталась в руках турок, и я уже не в состоянии буду помогать тебе. Желая тогда тебе, падрона, как можно скорее найти отсюда выход без меня, отыскать синьора Ле-Гюсьера и вместе с ним обрести... счастье, которого ты так достойна.

Герцогиня д'Эболи протянула ему руку. Он опустился на колени, осторожно взял в свои грубые руки эту маленькую белую и нежную ручку и запечатлел на ней такой поцелуй, который ей показался прикосновением раскаленного железа.

– Ступай, мой добрый Эль-Кадур, – мягко промолвила молодая девушка, – и да сохранит тебя Господь.

Араб вскочил на ноги и с пламенеющим взором произнес голосом, в котором звучала неукротимая энергия сына пустыни:

– Или ты будешь спасена Дамасским Львом, или я убью его!

Через мгновение он уже разобрал камни у входа и снова заложил их снаружи. Все это он проделывал быстрыми, ловкими и решительными движениями зверя, покидающего свою берлогу в целях поисков себе добычи.

«Бедный Эль-Кадур! – прошептала про себя герцогиня, глядя ему вслед. – Сколько преданности ко мне в твоём истерзанном сердце».

Выбравшись из беспорядочной груды обломков, заваливших нижнюю часть башни, араб смело направился к центру города, где расположились турки, становище которых было заметно еще издали по большому количеству освещающих его огней.

Он не знал, где в настоящее время находился Мулей-Эль-Кадель, но так как это был сын известного паши и вдобавок человек, прославленный своим геройством, то араб надеялся, что его нетрудно будет отыскать.

Прежней жизни в Фамагусте не оставалось и следа, на ее месте водворились суровые лагерные порядки свирепых турок, не признававших ничего, что хотя бы отдаленным образом напоминало обычаи ненавистных им христиан.

Вскоре араб вышел на площадь, окружавшую собор Святого Марка, бывший уменьшенной копией знаменитого одноименного собора в Венеции. Посреди этой площади были разведены костры, вокруг которых расположилось несколько сотен янычар, между тем как остальное пространство охранялось часовыми, внимательно наблюдавшими за всем происходившим вокруг. На верхней ступени соборной паперти стоял албанец, который при появлении араба направил на него дуло своего мушкета с дымящимся фитилем и громко прокричал:

– Кто идет?

– Видишь, что араб, а не христианин, – спокойно ответил невольник. – Я – солдат Гуссейна-паши.

– Зачем ты пришел сюда?

– Я имею важное поручение к Дамасскому Льву. Скажи мне, где его можно найти?

– Кто посылает тебя к нему?

– Мой паша.

– Я не знаю, не спит ли уже Мулей-Эль-Кадель.

– Ведь еще рано, всего около девяти часов.

– Да, но он не совсем еще оправился от раны... Ну, хорошо, пойдем, я проведу тебя к нему. Он поместился вот в том доме, напротив.

Погасив фитиль, албанец вдел ружье в перевязь, надетую у него через плечо, и направился к небольшому невзрачного вида дому, изрешеченному турецкими ядрами, но еще настолько крепкому, что в нем можно было жить. Перед входом в этот дом стояли два негра свирепого вида, возле которых лежали две огромные арабские собаки.

– Разбудите вашего господина, если он уже спит, – сказал албанец неграм. – Гуссейн-паша прислал к нему своего человека с важным поручением.

– Господин еще не ложился, – ответил один из негров, внимательно оглядев араба.

– Так ступай к нему и скажи, в чем дело, – продолжал албанец. – Гуссейн-паша не любит шуток, он в дружбе с самым великим визирем, понимаешь?

Негр ушел в дом, между тем как его товарищ остался на месте с обеими собаками. Посланный вернулся и сказал арабу:

– Иди за мной. Господин ждет тебя.

Мулей-Эль-Кадель оказался в маленькой, плохо убранной комнате, освещенной лишь одним небольшим факелом, воткнутым в наполненный землей глиняный сосуд.

Молодой турок, немного бледный, очевидно, от не совсем еще затянувшейся раны, был по-прежнему очень хорош с его глубокими черными глазами, достойными освещать личико какой-нибудь гурии из рая Магомета, тонкими чертами лица, небольшой темной бородой и изящно закрученными красивыми усами.

Хотя он был еще болен, тем не менее щеголял в стальной кольчуге, опоясанной широким голубым шелковым шарфом, из-за которого сверкали драгоценные золотые, осыпанные бирюзой рукоятки кривой сабли и ятагана.

– Кто вы? – обратился он к арабу, знаком удалив негра.

– Мое имя тебе ничего не скажет, господин, – отвечал невольник герцогини д'Эболи, по восточному обычаю прижимая руки к сердцу и низко кланяясь. – Меня зовут Эль-Кадур.

– Кажется, я видел тебя где-то?

– Очень может быть, господин.

– Ты прислан ко мне Гуссейном-пашой?

– Нет, господин, это я солгал.

Мулей-Эль-Кадель, стоявший перед столом, невольно отступил на два шага назад и быстрым движением схватился за рукоятку сабли, но не вынул оружия из ножен.

Эль-Кадур со своей стороны, отступив на шаг, поспешил успокоить его движением руки и словами:

– Не думай, господин, что я пришел покуситься на твою жизнь.

– Так для чего же ты солгал?

– Иначе мне не добраться бы до тебя, господин.

– Значит, это-то и побудило тебя воспользоваться именем Гуссейна-паши? Хорошо. Но кто же действительно послал тебя ко мне?

– Женщина, которой ты обязан жизнью.

– Женщина, которой я обязан жизнью?! – повторил молодой турок в полнейшем недоумении.

– Да, господин, – говорил араб, – притом молодая христианская девушка благородного венецианского происхождения.

– И этой девушке я обязан жизнью, говоришь ты?

– Да, господин.

– Ничего не понимаю! Никакой итальянской женщины или девушки ни благородной, ни худородной я не знаю, и ни одной женщине не обязан жизнью, кроме своей матери.

– Нет, господин, – почтительно, но твердо возразил Эль-Кадур, – без великодушия той девушки тебя уже не было бы на свете, и ты не присутствовал бы при взятии Фамагусты. Твоя рана еще не зажила и свидетельствует...

– Моя рана? Но ведь мне нанес ее тот молодой христианский рыцарь, который свалил меня с коня, а не...

– Да, господин, именно о нем, то есть о капитане Темпесте, я и говорю.

– Так не женщина же этот храбрец?!

– Да, господин, это именно и есть та благородная венецианка, о которой я говорю и которой ты обязан жизнью. Она пощадила тебя, а между тем как побежденного ею имела право добить.

– Что ты говоришь! – не то с негодованием, не то с изумлением вскричал молодой турок, мгновенно побледнев больше прежнего и как бы в изнеможении опускаясь возле стола. – Не может быть, чтобы тот молодой храбрец, сражавшийся, как сам бог войны, о котором я читал в старых языческих книгах, была женщина!.. Нет, женщина не могла победить Дамасского Льва!

– Капитан Темпеста не кто иной, как переодетая герцогиня д'Эболи, господин. Клянусь тебе в этом!

Изумление Мулей-Эль-Каделя было так велико, что он несколько времени не мог произнести ни одного слова.

– Женщина! – произнес он наконец с нескрываемой горечью и стыдом. – Дамасский Лев опозорен... Мне остается только сломать свою саблю и покончить с собой!

– Нет, господин, – с прежней твердостью возразил араб, – ты не имеешь права лишать свое войско его лучшего украшения и славы. Позора для тебя нет никакого, потому что победившая тебя девушка – дочь и лучшая ученица знаменитейшего в свое время рыцаря по всей Италии.

– Но не отец ее состязался со мною! – со вздохом проговорил Мулей-Эль-Кадель. – Подумать только, что меня сбросила с коня молодая девушка!.. Нет, честь Дамасского Льва погибла навсегда!

– Эта девушка – равная тебе по происхождению, господин.

– Отнесшаяся, однако, ко мне так презрительно!

– Неправда и это, господин. Она никогда не презирала тебя. Это доказывается тем, что в трудную минуту она обращается именно к тебе, а не к кому-нибудь другому.

Глаза молодого турка сверкнули огнем радости.

– Неужели мой противник имеет нужду во мне?.. Разве капитан Темпеста жив еще?

– Жив, но ранен.

– Где же он? Я желаю видеть его.

– Может быть, для того, чтобы убить его? Ведь капитан Темпеста, или, вернее, герцогиня д'Эболи, – христианка.

– А кто ты такой?

– Ее преданный раб.

– Раб? А так хорошо выражаешься?

– Ее отец воспитал меня, и я научился...

– И герцогиня послала тебя прямо ко мне?

– Да, господин.

– Уж не затем ли, чтобы просить меня помочь ей выбраться из Фамагусты?

– Да, но, кажется, и кое о чем еще.

– Она, вероятно, укрывается где-нибудь здесь в городе?

– Да, в одном из подземелий.

– Одна? Разве ей не угрожает опасность в твое отсутствие?

– Не думаю: убежище ее хорошо скрыто, к тому же она там не одна.

– Кто же с ней?

– Ее лейтенант.

Мулей-Эль-Кадель быстро встал, накинул на себя длинную темную мантию, взял со стола пару великолепно отделанных серебром и перламутром пистолетов и сказал:

– Веди меня к своей госпоже.

Но Эль-Кадур, не двигаясь с места и пытливо глядя ему прямо в глаза, твердо проговорил:

– Господин, чем ты можешь доказать мне, что идешь к ней не с целью выдать или убить ее?

Лицо молодого турка вспыхнуло.

– Как? Ты мне не доверяешь?! – с негодованием воскликнул он. Затем, подумав немного, добавил уже другим тоном: – Ты прав: она – христианка, а я турок, естественный враг ее религии и племени. Хорошо, мы найдем тут вблизи муэдзина, у которого есть Коран, и я в твоём присутствии торжественно поклянусь над нашим Священным Писанием, что желаю только спасти твою госпожу, хотя бы ценой собственной жизни. Желаешь ты этого?

– Нет, господин, – ответил Эль-Кадур, – я теперь верю тебе и без клятв. Я вижу, что Дамасский Лев не уступит в великодушии моей госпоже, герцогине д’Эболи.

– Ты говоришь, твоя госпожа ранена? Тяжело?

– Нет, не очень тяжело.

– А в состоянии она будет завтра держаться на лошади?

– Думаю, да.

– Есть у вас в подземелье какие-нибудь жизненные припасы?

– Кроме кипрского вина и оливкового масла, ничего нет.

Мулей-Эль-Кадель хлопнул в ладоши, и вслед за тем в дверях появились оба негра, с которыми он обменялся несколькими словами на непонятном для Эль-Кадура языке, после чего обернулся к последнему и сказал ему по-арабски:

– Идем. Мои люди догонят нас.

Оба вышли из дома и, перейдя площадь, где встречающиеся солдаты почтительно отдавали честь своему офицеру, направились не спеша к городским башням с видом людей, желающих сделать обход вокруг стен. Когда они прошли шагов около пятисот, их нагнали оба негра, несшие две большие и, по-видимому, тяжелые корзины, с ними бежали и их собаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.